

18+

БЕСКРОВНОГО

МАСТЕРА

Талар - Архаси

В мир

Несвычности

Аксаментная А.

Аксаментная А.

**Творения Бескровного мастера.
Талар-Архаси в мир несвычности**

«Издательские решения»

Аксаментная А.

Творения Бескровного мастера. Талар-Архаси в мир несвычности /
Аксаментная А. — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-590385-3

Перед смертью Бескровный мастер создал из несвычного существа зловещий артефакт, угрожающий смертью всему сущему. Конечно, это не все, что выдающийся алхимик завещал несвычному народу, он подарил нам камень злключения, магические клинки, тысячи снадобий и сотни загадок, разгадать которые можно, только заполучив его дневник, мастер оставил его для нас, вот только где, никто не знает. Мы очень торопимся, ведь наш мир рушится, пророчества сбываются, грядет война.

ISBN 978-5-00-590385-3

© Аксаментная А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1.	6
Глава 2.	37
Глава 3.	47
Глава 4.	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Творения Бескровного мастера Талар-Архаси в мир несвычности

Аксаментная А.

Корректор Сергей Барханов

Дизайнер обложки Дарья Храмова

© Аксаментная А., 2022

© Дарья Храмова, дизайн обложки, 2022

ISBN 978-5-0059-0385-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1.

Мир несвычных. Персиковая долина. Четверо в лодке

Пятнадцать лет назад

Широкопузая вместительная деревянка нехотя волочилась по воде, неся на себе компанию из четверых. Водная гладь загустела, превратившись в бескрайние просторы ледяного масла, обступавшего туго проходящую по нему лодку голубой прорезью. Пространство застыло в гробовой тишине; такая тишина сопровождает глухонемых, такими эти четверо сейчас и казались – ничего не слышащими и напрочь лишенными дара речи. Головы их были заняты мыслями такими тяжелыми и темными, что вес их не могли выдержать даже шеи, они склонились, а вместе с ними угрюмо пали и головы.

Тонкие пальцы Нирваны скользили по воде, оставляя длинные полосы, она оценивающе глядела вдаль, на берег острова Росс, когда-то цветущего красотой и глубоко дышавшего, а ныне увядшего, пылающего душевной агонией, как ей на секунду показалось. Простому человеку не дано ощущать жизнь в предметах неодушевленных, но четверо в лодке простыми людьми и не были, поэтому в неизменном на первый взгляд виде зеленых вершин и бархатных холмов они чувствовали изменения непоправимые. От мягких приветливых пейзажей сегодня веяло холодом, казалось, сама смерть дышит на них своим ледяным дыханием.

– Вода слишком тихая, плохая вода, мертвая. Чем ближе к берегу, тем она холоднее – дурной знак, – задумчиво и чуть раздраженно произнесла Нирвана, наконец разорвав тягостную для всех тишину.

Обращением ее слова назвать было сложно, этот разговор она вела, скорее всего, сама с собой. Ее рука, украшенная многочисленными браслетами из легкой абиссинской стали, вынырнула из воды, брезгливо стряхнув стекающие с пальцев капли.

Нирвана Веда была обладательницей двух совершенно разных характеров. Прескверного, в котором она представляла мнительной, излишне высокомерной, невежественной и грубой. И характера мягкого, отражающего всю суть ее женственности; надевая этот свой нрав, она становилась заботливой, цветущей нежностью и искренней любовью ко всему, что ее окружает. Веда меняла черты характеры легко и непринужденно, никто и никогда не знал, на какую из двух Нирван ему придется напороться в данное мгновение. Тонкое молодое лицо источало скуку, усталость или же глубокую мысль, хотя сама Нирвана давно уже считала эти понятия тождественными. При всех особенностях своего внутреннего содержания внешне она была прекрасна, и это, можно сказать, сглаживало все острые углы. Кожа Нирваны не цвела розовыми лепестками, скорее была белая, как свежий снег на ярком солнце, очень холодного оттенка, но все же сияющая. Глаза, напротив, играли теплотой, цвет их частенько менялся от рыжего до желтого, бликуя золотыми искрами. Длинные светлые волосы она чаще собирала в неопрятную гульку или заплетала в странные по форме косы – ей это шло, удачно акцентировало длинную точеную шею и серьги с драгоценными камнями.

Красота веды, переменчивость характера, врожденная элегантность, странная, то появляющаяся, то вмиг пропадающая медлительность, тонкие манеры и приятный голос смешались в одном котле и соединились в одном теле, создав весьма удивительный, притягательный своей необъяснимостью и резкими контрастами образ.

Услышав слова Нирваны, Гордофьян Миронов тяжело вздохнул, лицо его осунулось и посерело, будто впитав цвет серой грусти, переполняющей его изнутри.

– Не тоскуй раньше времени, Гордоф, ничего еще не произошло, незачем хоронить живых. Ты ведь этим сейчас занимаешься, так? – сказал человек, сидевший позади Миронова.

– Нет уж, я не из тех безвольных тюфяков, что раньше времени принимаются живых оплакивать. Я, пока сам все не увижу, горевать не стану, может, смерть там и побывала, но не всю-то жизнь она забрала – чувствую я. Не как вы чувствуете, а просто, по-человечески – сердцем. Но эта мертвая вода, черт бы ее побрал... Переживаю я, что уж тут, такого не утаишь. Хоть и молчу, а знаю, что вам и без слов понятно. У вас-то лица не лучше моего, глаза потемнели, как и кожа, все стало серым, приобрело цвет болезни, и пальцы вы скрутили в замочки, оттого что у вас внутри все чувства узлом завязались. Всем нам боязно, и мне, наверное, в особенности, но чтобы хоронить кого – это нет, скажешь тоже, я не из той породы.

– Мало ли что сказала Нирвана, не все, что она говорит, нужно слушать и принимать на веру, – продолжил собеседник Миронова, который, кстати, был как минимум на треть страннее Нирваны, что было оправданно, ведь он являлся ее старшим братом.

Его звали Борис Время, но некоторые предпочитали называть его джинном или же синим магом. Синим его прозвали оттого, что трубка, которую он непрерывно курил, источала синие клубы дыма с весьма приятным запахом степной травы. Время был молод, но его волосы, передние пряди которых он собирал в хвост, поседел, как и борода и брови. Цвет глаз из голубого превратился в белый с сероватым оттенком. В бороду Бориса были вплетены красные нити и бусины – никто знать не знал, к чему все это убранство, должно быть, Борису такое украшение попросту нравилось. Телосложение он имел правильное – высокий и жилистый, тело рельефное, но мышцы казались суховатыми, не налившимися молодой кровью и жизнью. Такое тело имеют люди, занимающиеся тяжелым физическим трудом в условиях недостатка питания.

Кожу Бориса покрывали темные угловатые узоры и странные рисунки, которыми Время очень гордился, ведь рубашку он носил крайне редко. Да и чего бы ему не возгордиться, рисунки на теле мага не имели отношения к красоте или, напротив, к некрасивости – это уж кому что приходится по вкусу. Эти рисунки были броней и отражали всю мощь магической личности. Каждый символ обозначал разученное магом заклинание и превосходное умение это самое заклинание использовать на практике, или же эти рисунки могли символизировать усовершенствование какой-либо уже имеющейся способности. Помимо того, на коже каждого мага можно было увидеть даты, имена, изображения существ и даже событий, с которыми волшебник так или иначе имел тонкую, но весьма прочную связь. Иными словами, рисунки на телах волшебников являлись подробной картой их жизни и заслуг.

– Не все, что говорит Борис, нужно слушать и принимать за правду, – стервозно фыркнула Нирвана Веда, переиначивая неприятное высказывание брата. – Скажу вам так, мальчишки: на этом острове не стоит ждать ничего хорошего, так что не нужно питать радужных иллюзий, я видела там смерть, а это значит, что мы все с ней встретимся, как только ступим на эти берега.

– Ну конечно, ты все знаешь, ты же Ве-е-еда, – с иронией произнес последний из сидящих в лодке, по имени Лютер Волк. – Меня поражают эти веды. Стоит им увидеть одну мрачную картинку, как они тут же прописывают неминуемую смерть всем ее участникам. Не дрейфь, Гордоф, и никогда не слушай женщину, тем более если она к тому же веда. А эта веда, – он ткнул пальцем в Нирвану, – она не просто веда, она самая кровожадная из всех известных мне вед.

– Странно, Волк, как ты все еще жив с такой-то женой, – рассмеялся Борис Время.

– Это искусство, Борис – искусство выживания. Когда у нее портится настроение, я либо притворяюсь мертвым, как это делают опоссумы в случае нападения на них хищника, либо убеждаю себя в том, что Нир – просто красивая женщина с отвратительным характером, не имеющая ко мне никакого отношения.

– Мне кажется, эта лодка становится тесноватой, – улыбнувшись, подметил Гордоф.

– Да уж... Веда, Маг, Человек и Пес – так себе компания, хотя если выкинуть самого блохастого из этих четверых за борт, то остальным дышать станет легче. Ты ведь умеешь по-собачьи плавать – так ведь, Волк? – рассуждала Нирвана с типичной для нее отрешенностью.

– Не пес, а шаман – это во-первых. А во-вторых, боюсь, что ты переоцениваешь мои способности, я не столь талантлив, – ехидно ответил ей Волк.

На самом деле настроение у всех четверых было подавленное, и внутренне они желали, чтобы эта лодка никогда не причалила, а все так же продолжала безмятежно качаться на голубых волнах, ведь падение острова Росс являлось предвестником наступления времен очень темных и безрадостных. Никто, за исключением Нирваны, не знал чего стоит ожидать от этого путешествия, но все понимали, что ничего хорошего ждать точно не стоит. Да и убедиться в том, что совсем скоро тихие времена мира могут нарушиться, не слишком-то хотелось – неведение при данных обстоятельствах казалось весьма приятным.

Совсем скоро лодка уткнулась своим упрямым носом в песчаные объятия берега, ответившего ей скрипучим скрежетом, словно приветствием. Белый изнеженный песок омывали голубые воды, густые шапки экзотических деревьев раскачивались на теплом ветру и шелестели, но жизнь всюду умолкла: ни веселых песен птиц, ни задорных стрекотаний насекомых, лишь неодушевленный шум – пустой, одинокий и к тому же не приветливый.

Нирвана присела и плотно прижала ладонь к песку, лицо ее было серьезным, сосредоточенным, будто она выслушивала тоны сердцебиения в бездыханном теле земли. Веда тяжело вздохнула. Все замерли в ожидании дальнейших изречений, но ничего, кроме молчания, они не дождались. Нирвана двинулась вперед, вглубь леса, трое последовали за ней. Чем дальше уходили они в чащу, тем более сжимался воздух; излишне влажный и тяжелый, он не давал четверым дышать, мучая их удушьем, тропические запахи теперь казались им прозрачным железяным супом, вливающимся в рот и ноздри.

Чаща густела, верхушки зрелых крон сливались в единый сомкнутый полог, не пропуская солнечного света, пространство будто съеживалось, уменьшалось, лес становился все враждебнее, и теперь он поджимал своих гостей со всех сторон, будто смыкая кровожадные тиски. Четверым было до дрожи боязно и жутко. Листва казалась темной, кожистой, рукастой, ветви сплетались в сложные замки. Низкая поросль мешалась под ногами, опутывала ступни, ставила подножки внезапно явившимися из земли корнями, не давая ногам свободного хода. Почва сделалась излишне влажной и тягучей, ноги проваливались в нее и противно чавкали, когда их приходилось вытягивать из грязи, – казалось, что они идут вовсе не по земле, а по густой болотистой трясине. Путников одолевала тягостная сонливость и двоение, каждый звук теперь звенел где-то внутри протяжным эхом, запахи раздражали, казались дурно-приторными и даже тошнотворными.

– Уж больно странный лес сегодня, вам так не кажется? Не помню, чтобы раньше с таким трудом нам давался этот путь, – сказал Гордоф и протяжно зевнул. – Вы тоже это чувствуете? Как-то мне дурно, что ли, не пойму, в сон клонит, и запах этот, сладкий и тухлый, как... как... – Гордоф пытался подобрать подходящее сравнение, но Волк избавил его от этой работенки:

– Как гнилая плоть.

– Да, это верно, именно такой запах. Рад, что мне это не почудилось, а с другой стороны, лучше бы и почудилось. Не хотелось бы, чтобы та самая плоть нам тут повстречалась.

«Повстречается, еще как повстречается», – подумала про себя Нирвана, но озвучить это не решилась.

– Да, лес сегодня беспокойный, вперед пускает нехотя, с опаской. Только ты, главное, не спи, Гордоф, а то здесь и останешься – земли древние, нечеловеческие, это тебе не вольная прогулка по Брежистальскому парку, – предостерег его Время.

– Раненый он, вот и тревожный. Трава порублена, ветки обломаны, кто-то на славу пострался. – Волк присел на корточки, руки его касались косых срезов тоненьких стволов. – Вот

они – раны, и они же следы непрошенных гостей. – Он тревожно глянул на друзей. – Срезы не свежие, пару недель с тех пор прошло, а то и больше.

Он набрал горсть земли в ладонь и поднес к носу, влажные черные комочки сыпались сквозь пальцы.

– Землица кровушкой пропахла, не иначе – такие места обид не прощают. Мой дед любил эти леса, помнится, часто нас таскал по ним, тогда переправы по Сияющей реке были открыты, и мы частенько здесь бывали. Так вот, часто таскал он нас сюда, меня да братьев, учил – он ведь был великим следопытом, хорошо он в этих делах разбирался, ему в этом равных не было. Помнится, он часто повторял одну запомнившуюся мне фразу, как бы невзначай, себе под нос: «Лес любит мертвых лесорубов». Так что коль уж покромсал пару кустов, тогда и не обижайся, если тебя сожрет пантера, или какая гадина ядовитая укусит, или болото, или обрыв, – здесь расплаты долго ждать не приходится, волшебные леса мстительны.

– Да все уже, мы пришли. – На пути стояла стена густого тумана, за которой ничего не было видно. – Вот они, старые добрые двери.

Борис просунул руку в туман, отчего Гордофу показалось, что белая густота наполовину поглотила его руку и теперь ее не отдаст, но ничего такого не произошло. Борис Время сразу что-то нащупал и хлопнул по скале, которую, по всей видимости, видели все, кроме Гордофьяна Миронова. От хлопка туман чуть разошелся, как бы приветствуя гостей, которые в этих местах считались прошеными и хорошо знакомыми, за туманной белью показался огромный черный глаз зияющей воронки. Пещера была длинной и извилистой – этакая горная артерия, ветвящаяся во все стороны, пульсирующая темной влагой, источающая прохладу и запах густой сырости. В таком беспросветном горном лабиринте легко было потеряться, а это значило и вовсе сгинуть, но четверым такие беды не грозили: по крайней мере трое из них бывали здесь множество раз и путь хорошо знали, Гордоф тоже неоднократно посещал это место, но все же мир этот оставался для него новым и совершенно неизведанным.

Блуждания в потемках были совсем недолгими, двери быстро вывели четверых к цели, вдали уже виднелось ясное свечение дневного света. Пещерный переход разделял два совершенно разных мира. Теперь морская гладь, пески, душные тропики, кипящие в парах горячей влаги и ядовитых соках, были позади. Все хищники, весь мрак, все жуткие болота, рассеянные по темным углам хмурой чащи, пещеристая тьма и земли, пахнувшие кровью, – все обрывалось дверью в другой мир и исчезало, словно страшный сон. По крайней мере, должно было исчезнуть, но сегодня этого не случилось, страшный сон только лишь начинался, и с каждым новым мгновением он набирал обороты.

В мирные времена дверь вела в края воистину прекрасные, звались они Персиковой долиной. Широкие холмистые просторы уходили куда-то вдаль, тянулись к самому горизонту, где их встречали горные вершины, взмывающие вверх слабо-зелеными тенями. Весенний цвет волнистой дали широкой лентой разделила голубая гладь реки, переливающаяся бликами атласа, лоснящегося в мягком солнце. Вся долина взрывалась пышным плодородием, роскошные широкоствольные деревья стояли добрым полком, раскинув свои ветви во все стороны, как будто отдыхая, напиваясь водяной прохладой дарственной реки. Землистые просторы закатывались молодыми травинками, словно зеленым нежным бархатом. Холмы казались мягкими подушками, особенно при взгляде с высоты, хотелось прыгнуть вниз, отдавшись в руки тепленьким ветрам, и мягко приземлиться, словно на взбитую зеленую перину. А где-то посреди всей этой красоты, обособившись маленькой кучкой, виднелись домики. Это была небольшая деревенька, названная в честь своей большой долины – тоже Персиковой. Жители деревни были преисполнены уверенности в том, что лучшего места для размеренного, счастливого существования во всем мире не сыскать. Конечно, назвать Персиковую деревню тихим местечком было нельзя, а вот живым, веселым и фонтанирующим бескрайней энергией – вполне, точнее это место не охарактеризуешь.

Раздраженные голоса хозяек, часами зовущих непослушных чад к обеду, переплетались в общий гул со счастливым детским визгом, надрывным хохотом, кудахтаньем, мычанием и блеянием, звяканьем посуды, бульканьем супов и тупыми раскатами топора, ударяющегося о бревно. Тишина была бы здесь никак не к месту, пусть шум этот был совершенно неугомонным, но и не досаждающим, а скорее уютным. Вместе с протяжным гулом в воздухе витали запахи: утро в деревне пахло свежим хлебом, пышными розами из симпатичных сади-ков за меленькими деревянными заборами, иногда мылом и свежим бельем, развешанным на веревках, а вечер – дымом, жаренным на костре мясом, домашним пивом, вином, хорошим табаком и часто кисловатым запахом реки. Кисловатым он казался только в первые дни пребывания в Персиковой деревне, по истечении некоторого времени он становился родным и очень приятным.

Народ здесь был простым, неприхотливым, с мягким нравом, да и где им набраться жесткости в таких изнеженных краях? Погода никогда не портилась, земля не увядала, ведь не было здесь семени такого, что не проросло бы, будь то бананы, персики, инжир или простые кукуруза да картошка, – земля давала жизнь всему, такова была особенность долины.

Один раз в неделю ужинать здесь было принято всем вместе, для этого имелись специально отведенные места: прямо посреди деревни тремя рядами стояли длинные деревянные беседки с такими же длинными столами и резными лавками. Хозяюшки к этому событию готовились всю неделю, думали, что бы им такого состряпать, нужно ведь было всех порадовать и обскакать соперниц. Назначенным вечером каждая хозяйка приносила свое блюдо, как правило помпезно выглядящее. Люди ели, пили темное пиво, пели протяжные песни, а когда трапеза подходила к концу и животы у всех ломились, начиналось негласное соревнование: хозяйки, убирая со столов, высматривали, чьи блюда остались недоеденными, и ладно бы просто недоеденными, а уж если и не тронутыми, то о-о, как рапирала их радость! Логика была линейна: если не съели – значит, невкусно, а если невкусно приготовила – значит, плохая хозяйка, ну а после того, как самая дурная хозяйка обозначилась, все было кончено. Теперь было о чем судачить на предстоящей неделе, а значит, и по домам можно было расходиться со спокойной душой.

Персиковая деревня принадлежала не только простым селянам, хотя, можно сказать, она им вовсе не принадлежала, остров Росс был в собственности у несвычных. Поэтому Персиковая долина стала местом, где люди и не люди живут вместе и не стесняются друг друга, не завидуют и не воюют. Несвычные жили чуть поодаль от деревни, ближе к лесам, хотя и не все из них, некоторым и в деревне очень нравилось, они вроде как очеловечились, но только снаружи – вели себя больше как люди, но навыков при этом не теряли.

Раз в десять лет на остров Росс со всех уголков мира привозили несвычных детей, иногда чтобы научить их чему-то, а иногда, напротив, сделать так, чтобы они разучились. Второе случалось чаще, ведь никому не нужно было, чтобы беспризорные нелюди свободно гуляли по миру, это всегда грозило неприятностями для обеих сторон, то есть стороны человеческой и нечеловеческой.

Несвычные дети чаще всего рождались в несвычных городах, по-другому именуемых туманностями, таких детей на остров Росс привозили погостить или же научить чему-то новому, для них эта поездка была обыденностью. А вот с несвычными детьми, родившимися в мире человеческом, дела обстояли иначе. В мире людей такие дети появлялись по одной простой причине: некоторые несвычные частенько влюблялись в людей. Иногда между ними заключались браки, в одних туманностях это было законно, в других нет, но какая, скажите, в этом важность, какое дело любви до закона? Правильно, совершенно никакого, истинной любви плевать на все, тем более на такие бездуховные вещи, как закон. Обычно люди, заключившие брак с несвычными, покидали свой мир и переезжали в туманности, чаще всего на ост-

ров Росс или в Красный лес, и уже там на свет появлялись их маленькие чада; при данных обстоятельствах семьи могли жить вместе, и никто не смел их разлучать.

Увы, любовь штука обманчивая, иногда она бывает краткосрочной или же не обоюдной, да и что там греха таить, все мы знаем, что дети порой рождаются от союзов, в которых любовью вовсе и не пахнет. От такой кривобокой любви и рождались беспризорные несвычные, которых отыскивали по всему миру и привозили на остров Росс, где им предстояло сделать серьезный выбор. Если ребенок хотел быть тем, кем он на самом деле являлся, то есть несвычным, он должен был остаться на острове, на ближайшие лет этак десять забыв о доме и родных, при условии что таковые у него имелись, а это, собственно, бывало нечасто. Если же он выбирал семью или просто хотел вернуться в мир людей, то ему приходилось отказываться от своей сущности.

Несвычные дети из мира людей были редкостью, поэтому и являлись они сюда не так уж часто, лишь раз в десять лет и в небольших количествах, обычно не более десяти-двадцати несвычных. Вот только в это десятилетие что-то изменилось, миру явилась туча несвычных беспризорников, это стало первым раскатом грома перед большой грозой. Как правило, детей отыскивали и привозили на остров абиссинцы, они собирали всех, отвозили на остров, а потом подавали извещение в древний совет Талар-Архаси о количестве беспризорных несвычных детей, их родителях, местах их обитания и прочем, но в это десятилетие извещение задержалось по причине того, что с Сияющей рекой в части Персиковой деревни что-то произошло и нелюдям долины долго пришлось биться над восстановлением транспортного пути в несвычном мире. Как только извещение попало к главам Талар-Архаси и Нирвана коснулась его, стало ясно, что приключилась беда, не случайное происшествие, а что-то злое и спланированное заранее, в чем четверо прибывших на остров Росс убеждались все сильнее.

– Ну что, как там долина? – спросил Миронов, шествуя позади всех.

Старая травма мешала ему быстро двигаться, он прихрамывал довольно резво, торопясь, но все равно чуть отставал от общей процессии, которая, как вскоре стало ясно, была скорее похоронной. Борис к тому времени уже вынырнул из пещеры.

– Да как...

Ответ был неоконченным. Время сделал паузу, потому как не мог сдержать боль, чуть не покотившуюся слезами из его глаз. Он пытался подобрать правильные слова, но у него не вышло, теперь даже Бориса сбило с ног.

– Нет больше долины. – Когда он повернулся к остальным, лицо его сделалось таким, будто ему только что всадили увесистую оплеуху.

– По крайней мере, такой, какой мы привыкли ее видеть, – тихонько вставила Нирвана Веда.

Она все это уже видела и втайне от остальных выплакала все слезы, что в ней были. Другим Нирвана ничего не говорила, она упрямо молчала, до последнего моля небеса о том, чтобы видение оказалось ошибочным, хотя и знала, что не ошибается, никогда не ошибается.

Долина высохла и превратилась в серую пустыню, в ней не было ни бликов, ни свечения, теплые ветра теперь охладили свой пыл. Казалось, небо впитало пепел в тяжелые черные тучи и повисло над долиной неподъемным непрочным каркасом, который вот-вот упадет. В некоторых местах даль все еще горела, дым вился, тощими змеями уползая вверх и там растворяясь. Особенно много было таких дымных остатков на месте деревни, да и вся она теперь виделась темным пятном грязи на замызганной рубашке земли. На лицах путников не было жизни, они вытянулись и разом постарели. Был уже вечер, и солнце садилось. Для четверых в этом была некая символичность – закат Персиковой долины во всех смыслах. По местным меркам он был воистину уродлив: тягучий, желто-серый, с недолгим свечением грязно-красных лучей; чем ниже становилось солнце, тем большие части долины покрывала тьма. Никогда прежде закат в Персиковой долине не был так страшен и тосклив.

Теперь Нирвана, после длинного дня скрытых обид, должна была выдать нечто вроде: «Я же вам говорила! Веды не ошибаются...» – но она молчала; мнимое знание сильно отличается от истинного зрения тем, что во мнимом кроются толики надежды, но когда видишь подобное, веры не остается. Сделавшись тонкой и ранимой, она прижалась к любимому плечу. Волк в ответ крепко обнял ее своими крупными руками, спрятав от всего внешнего. Плакала ли она, боялась ли, было неясно: Лютер держал ее словно ребенка, одной рукой обхватив спину, другой взяв под голову, – за этими объятиями сложно было что-либо рассмотреть.

– Дальше сегодня не пойдем, слишком темно и беспокойно. Кто знает, что может ожидать нас в этих гиблых перелесках, – промолвив Борис, тяжело вздыхая.

– Нет! Как же это? Мы должны идти! – взбунтовался Гордофьян. – Что, если там есть живые? Они ведь ждут нас, и им нужна наша помощь!

Борис стоял на своем:

– А что, если враг все еще там? Мы ведь ничего не знаем, может быть, их десятки, а может, и того больше. Как бы нам самим потом помощь не понадобилась.

– Вы ведь главы Талар-Архаси, сильнее вас никого нет!

– Есть, Гордоф, – шепнула Нирвана, – всегда есть те, кто сильнее.

– Прости, Гордоф, но они правы, деревня с сотнями несвычных уничтожена не руками слабых. Те, кто это сделал, очень сильны и организованны, а от нас от мертвых толку мало, лучше будет дожидаться рассвета.

Лютер Волк пошел бы вниз, как и Борис, как и Нирвана, они ведь были не робкого десятка и смерти не боялись, но надежды на сохранившуюся в долине жизнь у них совсем не было. Они знали, что, когда происходит подобное, уничтожают всех до единого.

– Думаю, нам стоит спуститься и там, у подножия, заночевать. Эх, – Лютер потер руки, – сейчас бы костерок, уж больно холодно. – Он знал, что костер никому не нужен, в том числе и ему, но требовалось хоть как-то разрядить обстановку – Но тут палить нельзя, привлечем нежелательное для нас внимание.

– Не будем мы спускаться, пойдем обратно в пещеры. Если нас настигнут, двинемся вглубь, ходов они не знают, побоятся, думаю, вслед за нами лезть, да и в тесном пространстве нам находиться выгоднее – вероятность того, что нас окружают, в этом случае мала. Да и костер там разжечь можно, согреемся и от дождя спрячемся – чувствую, скоро хлынет.

– Вы и правда не люди! Тут такое, а они об удобствах! – Гордоф был не согласен с решением остальных, но он понимал, что одному в ночном лесу ему точно делать нечего. – Ладно, черт с вами, спорить не стану. Кинь мне топор, Борис, пойду нарублю дров.

– Держи.

Миронов был уже немолод, но сноровки все еще не потерял, поэтому ловко ухватил рукоять топора одной рукой.

– Здесь рубить можно? Никто меня за это не сожрет? – осведомился он на всякий случай.

– Здесь можно, – спокойно ответил Время и осмотрелся по сторонам. – А куда делся Волк? Только же здесь был.

Нирвана неуверенно пожала плечами.

– Охотится, – предположила она.

Веда оказалась права, через пару часов, когда все собрались в пещерах, вернулся и Лютер, промокший и уставший, в руках у него был здоровенный кусок мяса. Он не смог спокойно ждать наступления рассвета и все же решил осмотреть местность, охота в этом случае была прикрытием – так никто не мог упрекнуть его в пренебрежении общим решением.

– Это что, свинья? – Гордоф перевернул здоровенный кусок мяса и достал охотничий нож для разделки.

– Это полсвиньи, – ответил ему Волк.

– Боюсь и спросить, куда делась вторая половина? – шутливо поинтересовался Миронов. Он, конечно, знал ответ.

– Волки съели. – Лютер улыбнулся, и глаза его на миг сверкнули ярко-желтым светом.

– Ох уж и прожорливые эти волки, – ответил Гордоф, легонько усмехнувшись. – Но зато теперь можно спать спокойно: волки сыты – значит, и за бочок никто посреди ночи не укусит. Как там, в лесу, ничего интересного не встречал?

– Живности мало – видимо, пожрали всех. В деревне скотины всегда валом было, если бы разбежалось зверье, тут бы весь лес им кишел. Не знаю, кто был в долине, но пробыли они здесь долго, может, кого искали или нас поджидали – кто знает, может, и сейчас ждут. Иных я не встречал, но далеко и не ходил, так только, у подножья побегал, да и все на том.

На самом же деле Волк искал, и делал это упорно, обежал всю округу – не мог он позволить своим близким завтра поутру попасть в беду, и также он не мог позволить себе улечься на бок с мыслью о том, что в долине есть выжившие, ожидающие спасения, но увы, в ночи он никого не отыскал.

Нирвана растворилась в костре, глаза ее играли красными огненными бликами.

– И вспыхнет зеленое пламя, и тьма поглотит все живое, и явится к этому темному началу шесть предвестников. Хотя, возможно, их было всего пять, не могу вспомнить... Ты помнишь эту историю, Борис?

– О да, я помню. Как же там было... – Он задумчиво почесал бороду. – Существо без крови явит свету пустое существо – это один.

– Не одно существо, а существ, – поправила его сестра, – во множественном числе.

– Ладно, пусть так, – повиновался ей Борис, – дословно я этого уже не вспомню.

– Надеюсь, ты помнишь, что было дальше?

– Нет, а это важно?

– Если вспомнишь два следующих предзнаменования, то поймешь, важно это или нет. – Нирвана говорила холодно, как будто находилась в трансе или же бормотала во сне, словно марионетка; мысли ее вспыхивали, как языки пламени, отраженные в зеркале глаз, которые она не сводила с костра ни на секунду. – И явятся свету несвычные дети, и будет их много, и будут они сильны, и вместе с ними придут дети тьмы, зачатые сотни лет назад, – это третье предзнаменование. И встретит несвычный мир закат острова Росс – четвертое.

Компанию обдало холодком, все поежились. Борис принялся обрисовывать картину сначала.

– В детстве за нами приглядывала старуха Ариес, древнейшая из древнейших – кажется, веда. Ох и страшной же она была: крючковатый нос, один глаз белый – ослепший, другой – кошачий, кривые зубы и трясущиеся узловатые пальцы. Мы очень ее любили, она многое знала и охотно делилась всем этим с нами. Вот только истории у нее были страшные до жути и рассказывала она их исключительно ночью. Хотел бы я теперь с ней повидаться, но не видели ее уж пару сотен лет – говорят, уж померла. Да, ты всегда предпочитала страшные сказки простым приключенческим историям, а я после них не мог спать. Как ты вспомнила об этом?

– Не знаю, как будто слышала ее голос в голове, не пойму, вспышка ли – видение, или просто воспоминание.

– Да бросьте вы, выдумки все это. – Волк грел свои крупные ладони у костра.

Опять же, он хотел отвлечь всех от мыслей о самом худшем, хотя, честно говоря, принял все сказанное за чистую монету, и в этот самый момент он думал и связывал вымолвленные Нирваной фразы с происходящими событиями. Детей и правда родилось много, и остров Росс пал в вечный закат, и бескровный человек был ему известен. Это старушечье предсказание теперь сбывалось на его глазах.

– Если уж так судить, то вы все – тоже выдумки, – сказал Гордоф. – Мне бабушка страшные сказки о несвычных на ночь рассказывала, и что же, шестьдесят лет прошло – и вот они,

выдумки, со мной у костра сидят, так что или я умом двинулся, или сказки нынче правдивы. Помнишь что-нибудь еще из того сказания?

Веда безжизненно кивнула, глаза ее до сих пор были стеклянными.

– Поцелуй двух королев – знамение до всех предвестников, с него все начинается дважды, он станет первым и последним предвестником, вслед за ним начнется буря. Кажется, так. Но есть и четвертый предвестник, его я не помню.

– Эти запутанные старинные сказания совершенно не ясны. Что за дети, зачатые сотни лет назад, пустые? Какие, к черту, королевы? Что все это за вздор? – гневно возмутился Лютер Волк.

– Зачатые сто лет назад, – тихо прошептал Время. – Кажется, я знаю, о чем речь. Я нашел древнюю книжонку – не мы ее писали и не люди, – долго занимался переводом, но в один прекрасный день книги этой я не обнаружил, ее украли. Кто-то уничтожает все старые книги, точно вам говорю, и происходит это со времен давней войны. – Борис знал, кто именно все это проделывает, но говорить пока не стал. – Так вот, кое-что выудить из той книжонки мне все-таки удалось. Книга писалась демонами, как вы успели догадаться, и я узнал, что не все демоны когда-то были людьми или же несвычными, демоном можно родиться, но для этого должно пройти тринадцать столетий с момента зачатия; кровь передается из поколения в поколение, и в один прекрасный день в семье простых людей или несвычей рождается демон. Во времена древней войны эти твари посеяли множество семян, которые вот-вот начнут всходить, и с каждым новым взрослым зернышком армия смерти будет увеличиваться и крепнуть. Лучшего времени, чтобы развязать войну, и не придумаешь.

– Ладно, я спать, вымотал меня денек, да и сил не помешало бы набраться, мало ли что нас ждет завтра.

Волк уснул спокойно и быстро, остальным же ночь представилась очередным испытанием. Нирвана бормотала во сне, крутилась и дергала ногами – наверное, видела ужасы, подаренные ночью. Борис спать и не пытался, он просто курил свою синюю трубку, наблюдая за медлительными завихрениями дыма. А Гордофьян все глядел на догорающие угли, которые вскоре полностью истлели и превратились в темные камни. Тревожные мысли вкуче с множеством вопросов: «Как?.. Зачем?.. А может быть?.. Кто?.. Что?.. Почему?..» – никак не давали ему уснуть. Ответов не было, лишь масса вероятностей, предположений, они менялись, сливались между собой, превращаясь в нечто бредовое и тягучее, словно болотистая трясина, из которой невозможно было выбраться. Это была та странная середина между сном и бодрствованием: мозг не спит, воспринимает мирской шум, работают тактильность и обоняние, но разум влипаёт, тяжелеет, а потом ловит сам себя на несурзном слове или мысли, взявшейся неизвестно откуда и не принадлежащей к текущему рассуждению, – тогда-то и приходит осознание, что виснешь где-то между. Ощущение малоприятное, после такого сна не высыпaeшьcя, напротив, чувствуешь еще большую усталость.

* * *

Длина ночи истекла, и друзья продолжили путь. Они вышли еще затемно, земля едва ли приобрела цветовые оттенки и перестала быть иссиня-черной. Четверо миновали спуск с горы и теперь уже брели в тени перелеска, свернув с привычной тропы в сторону. Волк шел впереди, его ничего не пугало и не останавливало, он был мягок и уверен в своих телодвижениях, двигался словно хищник, ведомый ярким обонянием. Звериные глаза горели желтизной, от них не ускользало ни одной детали, он видел всё: вмятые травяные скопы, изломы веток, рельефы почвы, скрывающие старые следы с еще чуть-чуть подрытыми краями.

– Сюда! – вдруг крикнул он. – Видите это?

– Следы, – констатировал Борис.

– А знаешь, чьи это следы?

Время молчал.

– Я знаю, – вмешался Гордоф. – Это следы брежистальских сапог, такие выдают солдатам из крепости.

– Все верно. Не знай я человеческой натуры, удивился бы, хотя все равно странно – не думал, что этот след тут обнаружу.

– Да не напали бы они сами по себе, в Брежистале знать не знают об острове Росс, да и не наделали бы они тут таких разрушений. – Гордоф пытался хоть как-то выгородить свой род.

– Ну почему же? Ты ведь знаешь – может, и они узнали, может, и от тебя... – Волк был настроен недоброжелательно.

– От него они ничего узнать не могли, Волк. Да и прав он: люди не смогли бы даже войти на остров без посторонней помощи.

– Никто не смог бы сюда войти без посторонней помощи, очень могущественной помощи, – присоединилась к разговору Нирвана. – Печати сняты, такое могли сделать лишь главы Талар-Архаси.

– Не спеши с выводами, не только они, мир гораздо больше, чем тебе кажется. Кто знает, что творится там, где нам не довелось побывать.

Волк неизменно двигался вперед.

– А вот это уже кое-что пострашнее брежистальских сапог, гляньте-ка.

– Демоны Банджабада, – сказал Время, едва взглянув. – Так я и думал, плохо дело.

– Да уж, – рявкнул Лютер Волк, надо бы спросить у Алишхет, как там обстоят дела в тюрьмах Банджабада. Интересно, не теряла ли она из виду парочку демонов, а с ними и пару десятков своих веселых вампирят, которые, по всей видимости, и украли ее дочь. Пока Алишхет в гневе уничтожала всех непричастных, причастные под шумок освободили демонов из тюрем – думаю, двоих или троих, но этого вполне хватило чтобы уничтожить весь остров Росс.

Алишхет Авади – Темная Королева, или королева Банджабада, одна из глав Талар-Архаси со стороны темных несвychных. Банджабад – отдельное государство, состоящее из девяти островов. Семь островов Банджабада населены людьми и несвychными темных кровей – вампиры, мастера зельеварения на темный манер, как правило тоже обращенные в вампиров, темные маги и непрактикующие некроманты. Восьмой остров выполняет больше стратегическое значение, а именно – отделяет мирный Банджабад от тюрем и, соответственно, от демонов Банджабада, которые ранее, задолго до прихода королевы Алишхет, владели Банджабадом, но были свергнуты и заперты на родной земле.

– Да-а, думается мне, в Банджабаде сейчас не лучшая обстановка, судя по тому, что вы рассказывали об Алишхет. – Гордофьян встречался с Темной Королевой, но только однажды, вид у нее был ну очень суровый. Он знал, что она превосходный правитель, особенно в комбинации со своим мужем – Абадоном Авади, которого все уважали прежде всего за то, что он мог сдерживать пыл жены. Но еще Гордоф знал, что если кто-либо касается того, что дорого королеве, то она убивает, и не двух-трех существ – Алишхет была способна на истребление целых армий, мирных деревень и даже городов.

– Она найдет предателей, – сказала Нирвана, – она найдет каждого из них и убьет. Они украли ее дочь, и поверьте мне, знали, что, совершая подобное, подписывают себе смертный приговор. Интересно только, к чему такое самопожертвование? А если окажется, что к этим делам причастны люди из большого мира или же кто-то из светлых несвychных – начнется война. Алишхет кровожадная и совершенно неуправляемая, ей не место в союзе Талар-Архаси.

Нирвана Веда ненавидела Алишхет и не скрывала этого. Вот только откуда взялась эта ненависть, никто не знал, а что было известно всем, так это то, что Нир еще не лишила жизни

Алишхет только потому, что не хотела распада древнейшего союза темных и светлых несвычных под названием Талар-Архаси. В случае смерти Алишхет Авади, являющейся одной из глав союза, от руки Нирваны Веды, тоже являющейся главой Талар-Архаси, альянс бы точно был разрушен, а это сулило потерю мира между темными и светлыми несвычными и, следовательно, войну между несвычными расами. А единственное, чего Веда желала больше смерти Темной Королевы, – это мира.

Лес остался позади, как и раннее утро. Теперь был день, и четверо стояли на пороге, шагнув за который им предстояло лишь падать в темноту собственных переживаний. Долинный полдень не звал своих гостей к обеду и отдыху в тени густых крон деревьев, напротив, разразился громом, но только не небесным, это скорее был адский раскат из пламенных недр земли, вся неизведанная чернь и смрад которых вырвалась на поверхность, осквернив ее. Деревня жизни сегодня предстала в ином образе, она тихо рыдала, облачившись в черное траурное платье. Все было мертво, эти места будто поразила страшная болезнь, строения пожрал огонь, их деревянные фасады сгорели и теперь были как обглоданные молью угольные конструкции. Прежняя прочность родных кому-то домашних стен теперь ослабела, превратилась в хрупкость, разрушаемую легким дуновением ветра. Остатки одиноких жилищ и безостаточные жизни, некогда в тех жилищах обитавшие, обратились в пустые серые частицы, пыль и прах.

Нирвана, надев тяжелый широкополый капюшон едва волочилась по мертвой земле. Тело ее потеряло былую ловкость и стать, стало обмякать, таять, как лед на жарком солнце, спина согнулась, а голова повисла. Лютер Волк хотел было взять ее на руки и отнести подальше, но Нирвана отказалась, небрежно и медленно махнув рукой.

– Давай просто сойдем с тропы. Отведи меня к чистой земле, хочу прикоснуться, тут что-то есть, что-то живое.

Гордоф и Борис ушли далеко вперед, но, заметив, что вторая половина группы отстала, притормозили и теперь стояли в ожидании.

– Идите! Мы скоро вас догоним! – крикнул Волк, перед тем как свернуть с тропы.

Борис кивнул, и они продолжили свой путь.

– Что это с ней? – с переживанием поинтересовался Миронов.

– Она – веда, вот что с ней. Все светлые провидцы болеют и истощаются, когда вокруг так много смерти, да еще такой – неестественной, темной. Они чище других несвычных, ранимее, никогда не касаются мертвых и не смотрят на них, иначе могут сойти с ума. Впитывают все, как губки, а назад это выпустить не могут, и все те страх и боль, что человек испытал перед смертью, остаются в них, отравляют. Считается, что высшие провидцы могут слушать рассказы как мертвых, так и живых, многие простаки пытаются освоить этот навык, и получается у них это довольно легко. Как бы это объяснить... Освоить-то они освоили, взяли на себя чужую ношу, а справиться с ней не смогли, умом двинулись, а после и вовсе погибли. Видал я таких умалишенных, и Нирвана видела, еще по молодости, их называют поцелованными смертью. Тетка моя от такого поцелуя погибла, жутко было, вся чесалась, по полу ерзала, и так она кричала, так вопила, что в ночи порой я до сих пор вспоминаю этот крик.

– Зато, как я понимаю, у Нирваны эти воспоминания отбили все желание к мертвякам лезть. Бойтся, наверное, как огня.

– Бойтся, но все же думает об этом, она ведь бесстрашная и целеустремленная. Останавливаться на достигнутом Нирвана не желает, но пока хоть немного сторонится всего этого – и то хорошо, правда... думаю, скоро она перестанет бояться. – Борис вздохнул.

Они уходили все глубже, приближаясь к праздничным беседкам. С каждым пройденным метром пейзаж становился все кровавее и страшнее. Воздух смердел сладковатым запахом смерти и отвратительно жужжал. Тела лежали серыми кучами, вываленными в грязи, крови и пепле, черные раздувающиеся тучи мошкары и мух носились вихрями и увеличивались, словно вдыхая страх и ужас, исходящий от бездыханных груд. Все это походило на некое чер-

ное проклятье. Вглядываться в потухшие лица было тяжелее всего. Гордоф пытался быть храбрым и непоколебимым, но не смог, ведь многие лица были ему знакомы, когда-то он сидел за одним столом с этими людьми, улыбался и здоровался с ними. Этого невозможно было вынести, поэтому он вскоре отказался от такой пытки. Гордоф не опускал взгляда и не отводил его, но теперь глядел как-то сквозь, избегая любых деталей. Путникам показалось, что хуже быть уже не может, но как только они приблизились к длинным обеденным беседкам, то сразу поняли, что ошибались.

– Бог мой... Скажи, что это не то, что я думаю! – Гордоф был явно шокирован, лицо его словно окаменело, скулы свело, ноги чуть пошатнулись, они хотели бежать, нести его прочь от этого места, но Миронов не оставил трусости ни шанса, он убил в себе панику усилием воли, не позволив ей пробраться в недра, где бы она смогла засесть и обороняться.

– Да, Гордоф, тут было пиршество, не иначе... – сказал Борис, глядя на залитые кровью беседки.

Человеческие останки были повсюду. На столах стояли жестяные тазы с оставшимися в них жуткими яствами, в больших кубках пеклась на жаре вязкая темно-красная жижа. Здесь было столько тел, что и не сосчитать. Помимо того что они стали чьим-то обедом, также им нашли применение в качестве украшения данного торжества.

– Узнаешь собратьев? – спросил Борис, на его лице не было ни единого оттенка грусти, как и на лице Гордофа.

– Как их не узнаешь. – Гордоф уставился на сваленные кучей брежистальские сапоги и камзолы. – Поделом этим ублюдкам, они заслужили того, чтобы висеть здесь гирляндами. – Гордоф с презрением плюнул в сторону пиршества.

– Что ж, расплата за предательство не заставила себя ждать. Думали, приедут на остров убивать невинных сельских жителей и, что хуже, детей, но никак они не могли подумать, что наградой им за эти деяния станет самая жуткая смерть.

– Мне становится страшно оттого, что, глядя на эту картину, я радуюсь. Я рад, что они умерли, и я рад, что они умерли именно так. Хотя мы уже и встречали здесь след брежистальских сапог, я все же до последнего надеялся, что это не наши воины, – думал, обмундирование краденое или еще что, но это были они, убийцы, чудовища. – Миронов был совершенно подавлен.

– Ваши воины шагнули не туда. Видимо, в Брежистале засела крыса, причем очень большая и влиятельная, иначе бы не оказалось тут мертвой людской армии.

– Я потравлю этих крыс, как только вернусь домой, какими бы жирными и влиятельными они ни были, я тебе это обещаю. – Вид у Миронова был очень разгневанный, в глазах отражалась кровавая картина пира, тонущая в глубоком омуте ненависти, злости и неотступной решимости.

– Я помогу тебе. Раз сторона мрака навестила род человеческий, то пора бы и нам навеститься, – ответил Время, вздыхая. – Что-то происходит, что-то движется: заговоры, обманы, боины, эта кража дочери Алишхет, – всё неспроста.

– Что это за твари такие? Как можно было сотворить подобное? Это демоны Банджабада сделали, так? Вот только одного не пойму: зачем им было жрать собственных союзников? Или есть в этой истории и третья сторона?

– Я думаю, что в этой истории отчасти замешаны все известные нам стороны. – Борис Время опять глубоко вздохнул. Медленно проходя подле одного из столов, он явно о чем-то думал, и явно о чем-то плохом.

– Здесь был Дуриан – единственный непойманный демон Банджабада. Он жрет людей, это его визитная карточка, я уже встречал такое, и не раз. Как только мне случается наткнуться на известие о залежах древности, я их тут же отыскиваю, но книг не нахожу, натываюсь только лишь на покусанные останки. Никто, кроме Дуриана, не знает событий Великой войны, есть

только он и древние писания. Дуриан, конечно, никому ничего не скажет, а вот книги – они могут. Я думаю, Он задался целью уничтожить все, что может помочь нам, все подсказки. Он ждал, все тринадцать сотен лет он ждал, пока наконец ему выпадет шанс обернуть время вспять и вновь погрузить весь мир в пепел, как это было тогда, в древности.

Борис прервался, услышав приближающийся к нему шорох травы. Позади показался Лютер Волк, Время с облегчением выдохнул.

– Что-то ты долго, и почему один, где Нирвана?

– Увидел издали, что здесь бойня, решил не тянуть ее сюда, она осталась на поляне. Мы напали на след, думаю, он ведет к реке – похоже, наших кто-то предупредил, и они успели сплавить часть населения. А у вас тут что?

– Ну наконец-то хорошие новости. А у нас тут вот что. – Борис представительно показал ладонью на завершленное адское празднество. Выглядело это так, будто он описал реверанс, находясь при этом на балу, а не в эпицентре кровавой бойни. – Посмотри повнимательнее – и сразу поймешь, что у нас тут и кто...

– Я же говорил, людишки замешаны, – сказал Лютер, сделав безразличный вид, но при всем при том раздуваясь гордостью, словно говоря: «Я знал все с самого начала и ни капли не удивлен».

– Больше ни о чем тебе этот натюрморт не говорит?

Волк принял позу оценщика и, пристально глядя на сие произведение искусства, задумчиво гладил ухоженную каштановую бороду.

– Ну-у-у... я думаю, что человеческие останки в миске – это не очень красиво, не пробуждает во мне никаких нежных чувств. И еще: порой мне кажется, что ты считаешь меня туговатым, это, знаешь ли, обидно, Борис. Я понял сразу, как увидел... Что-то пробудило наши ночные страхи, опять эта трехглазая гадина вылезла из своей норы. Ай да Дуриан, ай да сволочь! Что ж ты на этот раз задумал? – сказал Волк как бы вскользь, затем последовал печальный вздох. – Тяжкие нам предстоят времена, неспроста ведь все это.

– Ладно, идемте, больше нам здесь делать нечего, да и Нирвана там одна, ждет нас, – завершил беседу Миронов.

Двигаясь по направлению к реке, Волк по-прежнему трактовал знаки, любезно предоставленные ему землей и лесом:

– Вот, видите эти следы... Они бежали к реке, падали, пока бежали, спотыкались. – Волк ткнул на очередной изъяз земли, который никому, кроме него, ни о чем особенном не говорил. – Была паника, я думаю, за ними гнались. Нирвана, попробуй прикоснуться, кажется, тут что-то есть. – Лютер прижал руку жены к дереву.

Нирвана, прикоснувшись, закрыла глаза, ее зрачки вдруг забежали под покровом тонких век, видно было, как по ней хлынула волна напряжения, теперь ее пальцы впивались в широкий ствол так, будто их схватило судорогой.

– Их было очень много, – бормотала провидица, находясь в каком-то сонном бреду.

– Кого много? Скажи, что ты видишь? – встревоженно спросил Лютер.

– Никогда не видела столько несвычных детей в одном месте, – в том же духе продолжала она. – Лютер, – со страхом сказала Нирвана, – здесь были шаманы, не понимаю...

Лютер, услышав о присутствии детей из Красного леса на острове Росс в тот самый момент, когда все это случилось, просто ошалел. Он ни с кем не согласовывал отъезд детей на остров Росс, без него такие решения никогда не принимались. Вообще никакие решения не принимались, когда они с Нирваной были в отъезде.

Нирвана продолжала:

– Дети и взрослые, очень много, но они не борются, бегут прочь. Странно, это очень странно... Собрали всех в одном месте, как скот на убой. Там что-то впереди, все мутно, я не вижу. Что-то их защищает, они бы погибли, если бы не это. И еще... и... и... Люте-ер...

Разорвав прикосновение, Нирвана рухнула без сил и сознания. Волк подхватил ее и до речного пляжа нес уже на руках. Река была близко, поэтому они добежали к месту за несколько минут.

– Окуни ее в воду, она должна очнуться. Нужно, чтобы она увидела, что здесь произошло, да и вода хороший проводник для нее. Она сможет, говорю тебе! – раздраженно тараторил Время.

– Ты с ума сошел?! Посмотри на нее! Я не буду этого делать, это ей навредит, и потом, она все забудет, ты же знаешь, не сможет вспомнить того, что видела. Ты вообще слышал, что она сказала?! Их там много было! Там был мой клан, там были шаманы! Как это вообще возможно?! – Глаза Волка опять вспыхнули ярким желтым пламенем, его кричащий рот становился похож на пасть.

Все существа, подобные Лютеру, были очень тесно связаны со своим кланом, во всех них текла одна кровь, и это не просто слова, это было вполне ощутимо. Для него было невыносимо думать, что кто-то из его стаи находился здесь, шаманы Красного леса вообще очень редко покидали свои земли, тем более без видимой на то причины, что вдвойне сбивало с толку.

– Нас кто-то предал, наши близкие, те, кто всегда был рядом с нами. Черт, черт! А если предатель все еще там, в лесу, с нашей стаей?! Хватит, я забираю Нирвану, и мы возвращаемся домой, сейчас же!

– Стой, стой! погоди! Если бы Нирвана сейчас была в сознании, она бы велела тащить ее в реку. И я знаю, что она ничего не вспомнит, но для нас, для всех нас главное, чтобы она что-то сказала, она всегда говорит о том, что видит, мы запомним за нее! В противном случае ты узнаешь, что произошло с твоим племенем только по возвращении в Красный лес, а это не будет так скоро, как ты бы того хотел. Сияющая река в этом месте вновь встала, поэтому домой нам предстоит плыть больше месяца.

Лютер стиснул зубы, голова его качалась в мелких отрицательных кивках, глаза бегали где-то вдаль, он явно был не согласен, но ноги шли в воду, как будто против воли. Резвое течение горной реки препятствовало свободному проходу на глубину, да и шанс поскользнуться и уплыть вдаль был немал, но как только Лютер погрузил возлюбленную в воду, течение остановилось, плывущие по небу облака неподвижно застыли, вбирая в себя серости, казалось, что в это мгновение весь мир притормозил. Молодая веда лежала на стеклянной глади воды, платье ее расплылось, подобно темно-алому цветку или капле крови, упавшей в прозрачный стакан с водой. Борис и Гордоф зашли в воду следом, чтобы слышать, что она скажет, и быть готовыми помочь, если это будет необходимо. Все действие было похоже на какой-то странный обряд. Глаза Нирваны, едва успев открыться, закатились вверх, спрятав зрачок, веду легонько трясло, казалось, по хрупкому телу проходили тысячи маленьких импульсов, заставляющих подрагивать ее конечности с определенной периодичностью, но потом все прошло, и она будто слилась с водой, стала ее частью.

– Они сажают детей в лодки, самых значимых хотят сплавить первыми, но им не удастся, на них напали. Там, дальше по берегу, обломки. Дети разбежались, кого-то догнали, в реке много мертвых, она скорбит, и я вместе с ней. Что-то отвлекло нападавших, они уходят в лес. Остальным помогают уплыть, много лодок, очень много лодок, стрелы неслись над ними, ранили, но многие выжили, река помогала им, уносила прочь сильным течением, никто их не догнал, они покинули остров. Некоторые не смогли уплыть, бежали, но... теперь, наверное, убиты... вода их больше не видела, а тот свет в лесу... не пойму.

Нирвана вдруг начала задыхаться, она звучно и глубоко вдыхала, горло ее засвистело, зрачки вернулись на место, Веда панически замотала руками в сторону берега.

– Вытаскивай ее на берег! – громко закричал Борис.

На берегу Нирване стало легче, она успокоилась, и тело ее наконец задышало, но, увы, в сознание она не пришла. Небо потемнело до черноты, стало прохладно. Гордоф тяжело

дышал, четверо с такой скоростью рванули на берег, что его одолела одышка, сквозь вдохи он стал что-то говорить.

– Смотрите, как оно прячется от нас. Только Нирвана начинает говорить об этом свете, как ей становится дурно. Вон как оно ее выпило, лишь бы мы не узнали.

– Да, ты прав, я тоже заметил это. Нирвана редко теряет силу, а чтобы она в бессознательности падала или задыхалась, такого отродясь не видел.

– Что теперь? – спросил Волк, усевшись на камни у реки. Он мягко поглаживал мокрые волосы Нирваны, лежащей на его коленях.

– Дальше не пойдем, думаю, переночуем здесь, а завтра двинемся назад. Гордоф, побудь с Нирваной, а мы с Волком сходим в лес, нужны дрова и пища, а еще я хочу отыскать для сестры кое-какие травы – думаю, они помогут ей прийти в себя.

Сегодня все уснули быстро, Гордоф едва дождался друзей с похода, а ужина и вовсе не дождался, сразу лег спать. Ему наконец посчастливилось крепко выспаться; ранее этого не удавалось ни в походе, ни в плавании, он все тревожился и изводил себя дурными мыслями, а теперь, когда они воплотились в явь, он больше не мог никому помочь, от него более ничего не зависело, тревога ушла, сменилась спокойной безнадежностью.

Гордоф проснулся очень рано, по перелескам все еще блуждали крепкие сумерки. Над костром висела чугунная кастрюля с каким-то травяным отваром, он еще не успел остыть и до сих пор отдавал воздуху горячий травяной пар. Миронов зачерпнул немного зелья в жестяную кружку. Об этих чаях он знал и раньше, для несвычных это хорошее лекарство, ну а для людей просто приятный тонизирующий напиток, отлично вяжущийся с влажным, темным утром у горной реки. Миронов попивал чаек, смотря, как темнота бледнеет, а потом чуть розовеет, переходя в раннее, грязно-розовое утро. Остальные трое просыпаться совсем не спешили – оно и не странно, после этих трав несвычные засыпали крепко и надолго. Гордоф не собирался никого будить, но и бездействовать в одиночестве ему не хотелось, поэтому он побрел в сторону деревни в надежде отыскать еще что-то важное или хотя бы просто примечательное.

Деревня была все той же, жуткой и мертвенно тихой – казалось, что это какая-то быль времени, не успевшая уйти в небытие и просто застывшая мрачной картинкой. Гордоф гулял по деревне так, словно бы это была очередная славная Брежистальская аллея с розовыми кустами, рядом не хватало лишь дамы с веером, облаченной в помпезный зефирный наряд. Прогулявшись с полчаса, Миронов решил присесть, он выбрал лавку одного из наименее зловещих домиков и, удобно расположившись, достал из сумки серебряную табакерку с тремя полнолуниями, исполненными россыпью драгоценных камней в сине-белой гамме. Гордоф давно уже не курил, но все же всегда брал с собой горстку табака, ему все думалось, что это пригодится на какой-нибудь особый случай, хотя, может быть, он просто хотел, чтобы табакерка чаще находилась с ним, ведь это был очень дорогой его душе подарок.

Старик рассматривал блестящие голубые камни и уже собирался открыть коробочку, как вдруг что-то его отвлекло. Некий звук, или, возможно, это просто было ощущение присутствия, будто кто-то смотрит в затылок. Гордофьян, встрепенувшись, повернул голову сразу в нужную сторону, сердце бешено заколотилось в груди, он замер в оцепенении и теперь даже не дышал, боясь спугнуть внезапно нагрянувших гостей. Из-за поворота медленно и с опаской вышел мальчишка, тело его стало прозрачным и тонким от длительного голода, глаза и щеки глубоко впали, живот втянулся, прилип к позвоночнику, межреберные промежутки, подобно тонкими мембранами, гуляли внутрь и наружу в соответствии с током вдыхаемого и выдыхаемого воздуха. Мальчишка был не один, на руках он держал троих малышей, а позади него, обнимая окостенелую ногу, пряталась девчушка примерно трех лет. Вслед за детьми надменно и лениво вышло огромное животное, походившее на волка, но гораздо крупнее, и уши у этого зверя были совсем не волчьи – длинные, заостренные кверху и украшенные кисточками, как

у рыси. Зверь перегородил путь, встав боком спереди от детей, морда его была повернута в сторону Гордофа, глаза глядели как бы исподлобья, давая понять, что в случае опасности он будет защищать своих маленьких подопечных. Как только Миронов начал двигаться по направлению к детям, из-за угла сгоревшего дома вышли трое его товарищей, отыскивающие потерявшегося друга.

– Гордоф! Го-ордоф! – кричали они, но когда трое завернули за угол и увидели то же, что сейчас видел Гордофьян, то сразу умолкли и, подняв раскрытые ладони, стали осторожно двигаться по направлению к детям, показывая, что им ничто не угрожает.

– Спаслись, – тихо и с облегчением охнул Миронов.

– Среди них темный ребенок, – сказала Нирвана со всюду сопутствующей ее интонации безразличностью. Лицо Веды выражало недовольство и недоверие.

Мальчишка, услышав ее слова, разволновался, в глазах его заблестели слезы, ему было страшно, так страшно... Он больше не мог бороться и защищать остальных, он растерянно глядел на четверых и не знал, как ему следует поступить, в нем бушевало яростное недоверие. Еще минуту назад он хотел кинуться в ноги к Нирване с криком: «Мама!» Он почему-то подумал, что это именно она, его мать, которую он никогда прежде не видел, она пришла за ним, пришла спасти его, но ее ледяные слова отпугнули мальчика. Юнец подвинул маленькую трехлетнюю малышку, путающуюся в его ногах, назад, чтобы полностью заслонить ее своим хрупким тельцем, и медленно стал пятиться. Зверь зарычал, учуяв волнение детей.

– И человек среди них тоже есть. Я людей не очень-то жалую, но и лицо не кривлю при виде них, и тебе бы не стоило, они же дети, темные, человеческие. Какая, к черту разница, они просто дети, которым нужна помощь, – тихо сказал Лютер на ухо Нирване.

Она недоверчиво глядела на ребят, взгляд ее был холоден и пронизателен, но данный образ был лишь оболочкой. В душе Веды царила полная растерянность, что-то сильно шокировало Нирвану. Нет, это были не внезапно найденные дети, это было нечто другое, нечто явившееся к ней из ее далекого прошлого.

– Мы будем нужны, все мы, вы не выиграете эту войну без нас, – эти слова вдруг зазвучали в головах у четверых. Они стали боязливо переглядываться, каждый пытался понять, послышалось ему это или было взаправду.

Речь, по-видимому, принадлежала мальчишке, он сказал это не со злобой, а как ребенок, готовый сказать все что угодно лишь ради того, чтобы его приглубили, забрали из этой жути и более никогда не оставляли в одиночестве.

– Это что еще такое? – испуганно спросил Волк.

– Я не знаю... – чуть вздохнув и как-то растерявшись, ответил ему Борис. – Мы принадлежим к союзу Талар-Архаси, мы здесь затем, чтобы отыскать выживших. Здесь есть еще живые?

Мальчик отрицательно мотнул головой.

– Тогда пойдемте с нами. Мы приплыли на корабле, он за переходом, мы отвезем вас домой, если вы того пожелаете.

– Всех нас заберете? – спросил мальчик теперь уже простым человеческим голосом.

– Конечно, всех.

Нирвана переменилась в лице, в ней что-то растаяло, голос мальчика казался ей таким близким и таким родным, и эти малыши, и эта темная девочка, боязливо выглядывающая из-за худых ног мальчишки. Ей вдруг стало стыдно – настолько стыдно, что в душе ее хлопнул щелчок, подавивший всю скверность ее характера. Она неожиданно для себя заплакала и протянула детям руки. Мальчик теперь не боялся, он без страха двинулся к ней навстречу – кажется, малец думал, что бежал, на самом же деле он волочил уставшие ножки, описывая ступнями заковыристые круги. Нирвана собрала всех пятерых в охапку и обняла так крепко, как могла.

– Мама, – сказал наконец мальчик, – это же ты? Мама?

– Да сыночек, это я, я здесь, я здесь. – Нирвана разрыдалась пуше прежнего.

Волк удивился, он никогда еще не видел ее такой, Борис же задумчиво нахмурился.

– Мама, – шепнул он, как бы зацепившись за эту мысль.

Девчонка не говорила ничего, она только обнимала Нир и с удовольствием накручивала ее светлые локоны на свой маленький пальчик.

– Пожалуйста, можно взять и его? Я не хочу никого здесь оставлять, прошу вас. – Мальчик указал пальцем на своего белоснежного рысеволка, глаза его умоляюще смотрели на четверых.

– Конечно, – ответил Гордоф. – Отчего же нельзя? Конечно, можно!

Нирвана улыбнулась, не в силах отказать, но все же привстав, она тихо цыкнула в сторону Бориса, подозвав его к себе.

– Это чудище что, тоже с нами поплывет? Только не говори мне, что да, Борис.

– Твой муж тоже чудище, но он же с нами плавает. – Борис улыбнулся и подмигнул Волку.

Лютер весело усмехнулся в ответ.

– Вы, кажется, забыли, мы с абиссинцами плывем, они псов на дух не переносят, – напонила им Нирвана.

– Ничего, – басисто ответил ей Лютер Волк, – переживут. Да и вообще, какой же он пес, он кот, точно говорю! Правда ведь?

Волк вопросительно поглядел на мальчишку. Тот ничего толком не понял, но тем не менее неуверенно кивнул.

– Ну вот видишь, Нирвана, он кот, а абиссинцы обожают котов, так что никаких проблем. Все, решено, едем все вместе: мы, дети и... кот!

* * *

Мальчишка проспал почти двое суток, не издав ни единого звука. Его детское дыхание было столь тихим, что Гордофу время от времени казалось, что мальчик и вовсе перестал дышать. Поэтому Миронов, подобно образцовой няньке, не отходил от спящего ребенка ни на одну минуту. Единственным его развлечением была увесистая книга, которой он зачитывался с упоением, тело его при этом оставалось абсолютно неподвижным, за исключением только лишь глаз, которые как угорелые носились по строчкам.

Была глубокая ночь, когда мальчишка наконец очнулся. Не успев еще полностью раскрыть глаза, он подскочил и вжался в стену, у которой стояла кровать, – за время пребывания на острове Росс страх стал для него привычкой. Гордоф вынырнул из своей книги, показав длинный дедовский нос, и удивленно глянул на мальчика, чуть приподняв брови.

– Я уж думал, что ты решил проспать еще пару суток.

На полке возле мягкого мешка, на котором удобно расположился Гордоф, теплым ламповым светом горела свеча, от этого мрак переставал быть холодным и пустым, становился уютным. Миронов отложил книгу в сторону.

– Как тебе каюта? Тут, конечно, темновато, но все же должно быть поприятнее, чем в лесу.

– Теплее, – ответил юнец, вяло улыбувшись.

Вид его все еще был растерянным. Он боязливо рассматривал пространство вокруг себя, как будто заранее решая, куда, если что, бежать и чем защититься.

– Принести тебе чаю?

Мальчик одобрительно кивнул в ответ. Гордоф удалился ненадолго, а затем вернулся с большой кружкой горячего напитка, состоящего из тертой земляники с сахаром.

– Я и забыл, что Нирвана насобирала на острове целую корзину земляники, уж думаю, это тебе больше по вкусу придется. Я поставлю его сюда, – Гордоф указал глазами на полку, –

пусть чуть остынет. Еще я смог отыскать на камбузе печенье, но, между нами говоря, оно не очень вкусное, есть риск сломать о него зубы. Сейчас ночь, и все продовольственные отсеки закрыты, тут строго следят за провизией.

– Что это у вас за книга?

– Это достаточно редкая вещьца. – Гордоф дал мальчику книгу. – Борис нашел ее, это его книжонка, нынче таких книг совсем мало осталось. Ох и долго же мне пришлось его упрашивать! Представь себе, ни в какую не хотел давать мне ее читать, говорит, мол, слишком древняя она да опасная. Но, как видишь, я все же сумел его уговорить. А ты что же, любишь читать?

– Да, очень люблю. В Дарте у меня было много книг. А что это за язык такой? – Мальчик не мог распознать странные загогулины на обороте.

Книга действительно была написана совершенно непонятными символами, в них не было ничего схожего с привычной как для мальчика, так и для Миронова письменностью.

– О... это древнеабиссинский. В то время, когда эта книга была написана, многие на нем говорили, но уж немало веков-то с тех пор прошло, язык этот вымер.

– А вы откуда этот язык знаете?

– Меня Время научил, он тот еще любитель всего древнего. Хобби у него такое – выискивать старинные письма, книги да предания, а чтобы их прочесть, нужно знать древние языки. Где он всему этому учился, я точно и не знаю, жизнь у него длинная, он много путешествует, общается с различным людом, вот по крупницам и собрал все воедино, научился.

В юных глазах засверкал интерес, было видно, что мальчишка наконец-то ожил.

– Можно я спрошу кое-что? – осторожно поинтересовался Гордофьян.

– Вы уже спрашиваете, – ответил ему малец.

– Да, и вправду.

«Умен», – про себя подумал Гордоф.

– Я хотел спросить, как тебя зовут?

– Вогдас, Вогдас Крамп, я родом из Дарта, портового городка на северном берегу Араклийского побережья, – отчеканил мальчик. По всему было видно, что знакомство его не слишком интересовало, сейчас он был поглощен совершенно другим. – А про что она, ваша книга?

Бумажный кирпичик теперь лежал на койке рядом с ним, мальчик поглаживал толстый коричневый переплет, вертел книгу в руках, смотрел, как она сделана, и даже понюхал страницы – ему всегда казалось, что книги пахнут по-разному, как бы впитывают запахи своих предыдущих владельцев или времен, в которых они когда-то существовали.

– О-о-о, там много всякой всячины: об альянсе Талар-Архаси, о народностях разных, прежде всего несвычных, и много еще о чем.

– Я знаю про этот альянс, мне Шер рассказывала, когда я был маленький, Шер – это моя тетя. Она говорила, что это очень древний союз, союз темных и светлых, что его теперь уже не существует... Союза не стало тогда, когда исчезло волшебство.

– Не знаю я твою Шер, но, думаю, она хорошая женщина, вот только про союз она тебе неправду сказала – наверное, оттого что правды и сама не знала. Все эти рассказы в байках ходят, мне их тоже мои старики рассказывали, когда я был юный, вроде как сказку на ночь. Да вот только не сказки это вовсе, альянс существует по сей день. Ты бы мне, вероятно, и не поверил, если бы на острове не побывал, там-то ты точно немало странностей навидался. Я тебе даже больше скажу: я и сам в этот союз вхожу, смотри.

Миронов протянул мальчику руку сжатую в кулак. Пальцы, чуть прикрывающие ладонь, стали поочередно раскрываться, обнажая некую тайну. Прямо по центру сквозь кожу проступил какой-то неведомый знак, горящий синевой. Сначала он был где-то глубоко, спрятан в мясистой мякоти грубых ладоней, но затем выбрался наружу, на поверхность кожи и теперь стал походить на черную печать.

– Видишь?

Мальчик кивнул, глаза его были широко открыты, он явно был впечатлен.

– Если видишь, значит, ты тоже несвычный, только вам дано разглядеть подобные вещи.

– Несвычные... Почему нас так называют? Откуда взялось это название?

– Это все издревле пошло, по-разному тогда вас люди обзывали, мало в тех ярлыках приятного так-то было. Кто-то нечистыми называл, кто-то колдунами и ведьмами, иные считали, что вы боги, но все это было мимо и никак не характеризовало общей сути. Самыми умными из всех людей были те, что стали вас несвычными называть, вроде как непривычными, неизвестными. Это было всего другого ближе, потому и прижилось. А так это и удобнее: кланов-то у несвычных много, среди них и темные есть, и светлые, а если всех вместе собрать – то несвычные. Вот мне кто скажет, что несвычный, я и пойму сразу, что не человек он, а нечто иное, а уж какой он там именно, из какого клана, темный ли, светлый ли, иль разноцветный, – это другой вопрос, более узкой направленности.

– А вы тоже такой, несвычный? – поинтересовался Вогдас.

– О, нет-нет, я человек, не более того. Но при всем при том я человек непростой. Я – верховный армариус одной из башен Брежисталя. Уж про вехармов-то (сокращение от «верховный армариус») ты точно знаешь, коль из Дарта родом.

– Ого, – удивился мальчик. – А какой башни? Я мечтал познакомиться с вехармом, правда, в последнее время и не думал об этом, боялся... – Воги на секунду повис в паузе, но быстро очнулся и продолжил: – Боялся, что домой больше не вернусь.

– Ну, теперь-то бояться нечего, мы возьмем тебя напрямиком в Дарт. Ну а что касается меня, я верховный армариус башни Трех Полнолуний.

Мальчик покачивал головой, не зная, как выказать уважение.

– Подождите, – оторопел вдруг ребенок, – а как же ваш знак на руке? Вы же человек, разве может человек входить в Талар-Архаси?

– Ох... Ну, тут уж то ли Шер тебе плохо про союз рассказывала, то ли забыл ты уже. Люди ведь тоже входят в альянс. И всегда входили. Говорят, давным-давно человек и несвычный рука об руку воевали, да только темные те времена были, и уж очень мы о них мало знаем.

– А вы можете обучить меня этому древнему языку?

– Я бы с радостью, только вот времени нам на это не хватит, это тебе не какая-то брежистальская посуда, это абиссинский корабль, он вдвое, а то и втрое быстрее. До Дарта всего пару недель плыть осталось. За такое короткое время я тебя не выучу, да и никто не выучит. Но я могу рассказать тебе обо всем, что сам знаю. Конечно, в этих делах я совсем недавно стал разбираться, но узнал уже немало. Только тогда и ты мне кое-что рассказать должен. – Мальчик внимательно смотрел, ожидая продолжения мысли. – Ты расскажешь мне об острове Росс и о том, что там произошло.

Вогдас обиженно отвел глаза в сторону, на лице проступила щенячья грусть, ему явно не хотелось вспоминать об этом.

– Тогда давай сделаем так: я поведаю тебе все, о чем знаю сам, тем более времени у меня много, а дел-то особых и нет, а ты расскажешь свою историю, только если сам захочешь, а нет так нет, я не из обидчивых. По рукам?

Мальчишка кивнул, затем добавил:

– Расскажите о Талар-Архаси и о кланах – какие они бывают?

– Думаю, нам следует разобраться во всем с самого начала. Что же такое Талар-Архаси, как по-твоему? Просто название, взявшееся не пойми откуда, с бухты-барахты, как это говорится...

– Это, кажется, значит «добро пожаловать», я не раз слышал эти слова на острове Росс, когда меня приглашали в гости.

– Да, сейчас эти слова именно в таком контексте и используют, они превратились в приглашение. Это как слово «здравствуйте» – ранее люди говорили «здравствуйте», желая кому-то

здоровья, а впоследствии это стало любезным приветствием. Смысл этого слова вполне ясен, но, применяя его как приветствие, мы и не задумываемся о том, что на самом деле желаем человеку крепкого здоровья. Так вот, «Талар» и «Архаси» это, можно сказать, архаизмы, то есть слова, давно вышедшие из пользования. «Талар» – «темный», а «Архаси» – «светлый»; сейчас в нашем понимании эти слова значат «добро пожаловать», хотя на самом деле, в буквальном смысле это означает «темный и светлый».

В самом начале, когда дружба меж темными и светлыми несвычными только лишь начинала зарождаться, и появилось это самое «Талар-Архаси». К примеру, если темный несвыч собирался переступить порог дома, принадлежащего светлomu несвычному, он говорил: «Талар-Архаси», что означало «темный и светлый». Так гость давал понять, что он верит в равенство сторон тьмы и света и является другом. Хозяин дома обязательно должен был ответить ему теми же словами, только после этого гость мог войти в дом, потому как без хозяйского «Талар-Архаси» было не пройти, магия, знаешь ли, темные и светлые в ту пору еще не привыкли дружить, зато привыкли защищать друг от друга свои жилища, и только эти слова могли эту защиту на время снять. Когда наконец меж всеми несвычными завязалась крепкая дружба, гости уже ничего не говорили, только хозяин, едва за приметив на пороге старого друга, все так же выкрикивал: «Талар-Архаси!» Впоследствии заклинания, защищающие жилища, канули в Лету, а наше «Талар-Архаси» осталось и со временем приобрело новое значение: «Добро пожаловать!»

Талар-Архаси – союз и самом деле древний, создали его давно, да так давно, что даже в старинных книгах не найти описаний тех самых времен. Если обо всей истории говорить как о большом пироге, то эту ее часть словно бы выкусили. Борис, видишь ли, этим и занимается, пытается вернуть недостающий кусок пирога, говорит, есть там что-то важное, и я с ним совершенно согласен: просто так ничего скрывать не станут. Нет ведь ничего страшного в том, чтобы народ свою историю знал, если только кто-то эту историю не собирается вновь повторить, для кого-то эти книги служат сценарием или же руководством к действию. Тем более не мелочи какие-то потерялись, а целая война.

Как раз во время той войны и был создан альянс, входили в него кланы людей, магов, шаманов, провидцев, абиссинских странников и темных несвычных. Темные расы присоединялись к союзу не целыми кланами, а как-то по крупницам, по несколько несвычных оттуда и отсюда. Не знаю, как и объяснить тебе, что это за темные и с чем их едят, но попробую. Они, в сущности, темные, но бороться решили за свет; говорят, и в ту пору не так уж мало их было, но все же недостаточно, сейчас стало гораздо больше. Темные короли Алишхет и Абaddon Авади сделали союз между темными и светлыми прочнее, теперь в Талар-Архаси входят не только лишь некоторые темные, а почти все, и все мы скреплены и не можем друг друга предать. – Гордоф указал на свою ладонь, имея в виду, что у представителей других кланов тоже есть такие знаки. – Это ведь не просто печать, понимаешь, эта печать непреложной клятвы: если один из глав предаст другого, то умрет. Я честно тебе скажу, темных мне часто встречать не доводилось, они прибывают лишь на самые важные собрания, а за все время моего председательства в совете такое собрание было только однажды.

– Ведь есть и такие темные, которые в совет не входят?

Гордоф понимал, что мальчик пытается найти ответ на интересующий его вопрос, пытается понять, кто напал на них на острове Росс.

– До этого мы дойдем, не торопи события. Сначала о кланах и о том, что это за остров Росс и почему ты туда попал, а затем и о темных поговорим.

Итак, кто такие абиссинские странники, ты, верно, уже знаешь, ведь встречался с ними, и не раз. Говорят, их род самый древний. Воинов лучше ты нигде не сыщешь, они тихие и ловкие, как хищные кошки; помимо того, абиссинцы в три раза быстрее, сильнее и прыгучее обычного человека, обладают отменными слухом и зрением и, кстати, во тьме видят еще лучше,

чем при свете дня. Они созданы, чтобы охотиться, не иначе. Но не только этим славны абиссинские странники, их корабли, кожа и оружие известны по всему миру. Абиссинская сталь – это редкость, лучше нее ничего нет, клинки из нее выходят почти невесомые, легко пробивают любое железо, а древесину и вовсе режут словно масло, что уж тут о мясе говорить – плоть для них что воздух.

Предполагается, что все абиссинцы убийцы и воры, и, в сущности-то, оно так: когда-то они были наемниками и за деньги могли сделать что угодно. Но только перестали они такими быть, хотя и без убийств жить все равно не могут. Ты, конечно, еще не взрослый, жил недолго, но мог заметить, что, бывает, живет какой-нибудь человек неприятный и вещи делает такие же неприятные, а управы на него все нет и нет, а потом раз – и потерялся он, пропал, и никто не знает куда. – Крамп кивнул. – Абиссинская это работа, они таких типов терпеть не могут. А невинного человека не тронут ни за что, тем более ребенка, кодекс у них такой. Люди про абиссинцев знают, и про клинки их, и про кожу, этот клан особо не колдует, потому ярости в мире людей не вызывает; не любят их, конечно, разбойниками считают, но хоть не нечестью какой, и то ладно.

С магами дела обстоят иначе, о них знают только как о сказочных персонажах, не более, часто они светятся в сказаниях и всяческих балладах, но всерьез никто из людей их не воспринимает. Непонятные существа – люди: встретят странность, воспоют ее всеми возможными способами, но чтоб поверить в такое – это нет, это не для них. Хотя, пожалуй, не странные они, а просто узколобые, но только не я, ко мне это не относится. – Гордоф чуть покачал указательным пальцем, подметил. Мальчик хихикнул.

Вогдас сидел в кровати, скрестив ноги, и внимал каждому слову. Такие истории он мог слушать бесконечно, забыв абсолютно обо всем на свете. Чернота ночи теряла свою плотность, утренний свет лился сквозь круглое окно, как струя теплого парного молока в горячий кофе, разводя его, делая серо-коричневым.

– Ты еще не устал? – поинтересовался Гордоф.

Мальчик отрицательно задергал головой, причем так судорожно, будто у него собрались отнять любимую игрушку, которую он отдавать очень не хочет.

– Тогда слушай дальше. Маги – они всякие бывают. Есть стихийные маги: воды, огня, ветра и земли, – и сила их разнится от мала до велика, тяжко ее, знаешь ли, развивать. Самых могучих из них называют повелителями стихии, только один такой в мире есть, великий пироман, только вот теперь силы его поугасли, старый стал да немощный. Хотя, возможно, его уже нет в живых, последние сто лет о нем ничего не слышно, пропал. Но это не суть, продолжим... Есть маги незримого, Борис Время как раз из них, в его власти то, чего нам видеть не дано, в его власти время; да только вот немного совсем того времени, минут пятнадцать от силы, вроде как он может их вернуть обратно и исправить что-то. Вот только не всегда это выходит, а если и выходит, то он потом пластом три дня лежит, уж очень много сил такая магия забирает. Но он может не только это, у него очень много способностей, несмотря на то что исключительность его состоит в даре подчинять время. Борис является лучшим в своем клане, это неоспоримо. Если вдруг будет интересно, что он умеет, ты лучше у него самого спроси, да и про магов он побольше, чем я, знает; думаю, он тебе расскажет, он дядька добрый.

* * *

На корабле настало утро, он ожил в свете, суете и дребезжании.

– Нам, кажется, пора завтракать, – улыбнулся Гордоф.

Мальчишка поддержал идею кивком, он хотел есть, еще как хотел, сейчас еда представлялась ему божественным светом, сошедшим откуда-то сверху под музыкальное сопровождение ангельского хора.

Из столовой при камбузе уже раздавалась ароматы молотых кофейных зерен. Кок громко распевал какую-то ритмичную песню своим басистым голосом; должно быть, песня была веселой, но уста абиссинца делали ее чуть настораживающей, грубой или, может быть, разбойной. Хорошо, что ему подпевала посуда, задорное бренчание чашек и ложек разбавляло суровое пение, делая его менее устрашающим. Корабельная команда обычно завтракала позже, и народу в столовой пока не было, за исключением Бориса, Нирваны и Лютера, сидящих в компании спасенных ребятишек. Трехлетняя Асшая восседала на высокой винной бочке и весело болтала своими похудевшими, но все еще по-детски пухленькими ножками; все остальные расположились на лавке.

– Смотрите-ка, кто проснулся! Мы уж думали, что тебя только к вечеру увидим, – весело сказал Борис, заметив маленького Вогдаса.

– И то к завтрашнему, – рассмеялся Волк.

Юнец немного засмутился. Асшая неповоротливо слезла с бочки и побежала навстречу мальчику; она радостно обняла его за пояс двумя руками, юноша в ответ подхватил ее на руки, крепко чмокнул в щеку, затем опустил, взял за руку и повел к столу

– Пошли! – весело сказал он.

Девочка вернулась на свое место, а Гордоф и Воги уселись на лавку, немного потеснив остальных.

Вскоре помощница кока оживила пустой стол чашами, доверху наполненными сухофруктами, орехами, инжиром в густом сахарном сиропе и зеленым вареньем из фейхоа. Асшая осторожно стянула со стола сушеный финик, глаза ее при этом действии нервно следили за восседающими за столом взрослыми, но остаться незамеченной у нее не вышло. Девчушка напоролась на строгий взгляд Веды, от этого ее детское лицо сделалось виноватым и вызывающим умиление.

– Асшая, – тихо сказал Вог, веля положить ей финик на место.

Девочка, охнув, потянулась вперед, чтобы вернуть украденный фрукт обратно в чашу.

– Пусть себе ест, они же не для красоты тут стоят. – Миронов улыбнулся и придвинул чашу поближе, чтобы Асшае не приходилось далеко тянуться.

Стол продолжал богатеть, помощница принесла вяленый окорок, полголовки твердого сыра, чашечку какой-то желтенькой икорки с луком и ржаной хлеб, черствый, но вполне пригодный к употреблению – абиссинцы были не лучшими пекарями, хлеб у них всегда выходил черствый, что самим странникам очень даже нравилось, это была еще одна особенность их культуры. По столовой разнесся аромат кофе с тонкими нотками ореха, пряностей и ванили.

– Чувствуешь, как приятно пахнет? – обратился Гордоф к Вогдасу. Мальчишка внимательно посмотрел на собеседника. – Так пахнет абиссинский кофе, это их любимый напиток, пьют его крепким и обжигающе горячим. – Миронов глубоко вдохнул, лицо его было блаженно и мечтательно. – Орех, ваниль, просто невероятный, пленяющий запах, не говоря уже о вкусе, больше такого славного кофе тебе нигде не предложат. Ты, конечно, еще мал, но, думаю, попробовать все же можно.

Завтрак был плотным и вкусным. После такого приема пищи обычно хочется полежать или даже вздремнуть часок-другой, но не тут-то было: если еда запита абиссинским кофе, то чего-чего, а сонливости точно ждать не стоит. Даже сами абиссинцы пили его не чаще одного раза в день, иначе бессонницы было не избежать.

После завтрака все разошлись кто куда. Нирвана и Лютер, взяв малышей, пошли к себе в каюту, Вогдас и Асшая носились по всему кораблю, играя в какие-то безумные игры со своим громадным зверем. Чудище на удивление легко подружилось с корабельной командой и теперь больше походило на милого пушка с мягким характером. Борис с Гордофьяном предпочли подышать свежим воздухом; они уселись на мягкие мешки для отдыха в носовой части корабля, ничто им здесь не мешало и не отвлекало, дышать было легко, спокойствие синих

вод приносило умиротворение. Время закурил свою синюю трубку, дым быстро разносился свежим морским ветром.

– Люблю такие спокойные деньки. Глянь на этот океан, Гордоф – глубокий, синий и лоснящийся, словно блестящая змеиная чешуя, мелкопластинчатая, льющаяся тысячами оттенков благородной синевы. – Время протяжно выдыхал синий дым из легких.

– Океан такой же синий змей, как и ты, Борис, – произнесла невысокая стройная женщина, внезапно присоединившаяся к отдыхающим.

На голове у нее была темная бандана, из-под которой гладкими каштановыми волнами на лицо накатывались роскошные пряди волос. Глаза темные, но в одном из них радужка поделила цвет надвое: примерно одна треть радужки была голубой – признак чистоты абиссинской крови, верхние и нижние веки толстым слоем обходила черная подводка, делающая взгляд кошачьим. На уровне нижних стенок глазниц ровной линией в кожу были вбиты имена – дань народной традиции. Под каждым глазом любого из абиссинцев красовались имена их родителей – конечно же, на их родном, абиссинском языке; при письме он выглядел как заковыристые узоры, буквы имели округлые формы с разделяющими или дополняющими их жирными точками или запятыми. Помимо того, на запястьях абиссинцы носили имена своих детей, а поперек шеи мелкими буквами значилось название каравана, из которого они были родом.

Тощее тело абиссинки не казалось излишне острым, как это обычно бывает при выраженной худобе, но и привычными женственными формами оно тоже не обладало, не было изнеженно-покатым или мягко-овальным, телесные углы имели некую сглаженность, но при этом не были напрочь лишены своей резкости. Облачились эти формы в мягкое кожаное одеяние, грубое по фасону, на широком поясе показательно расположились кинжалы в толстых ножнах и блестящие смертоносные серпы. В общем, особа полностью совпадала с типичным для абиссинского народа образом. Звали ее Амали Аль-Алам – она была капитаном корабля Тайгира и главой всего Тайгирского каравана.

– Сегодня первым разом увидела ваш мальчишка – очнулся наконец. – Голос ее был чуть хриплым и низким, но при этом в нем сохранялась толика женственности.

– Да-а, двое суток спал малец, совсем измучился, а сегодня ночью наконец проснулся. Любопытный ребенок, всю ночь меня о том да о сем расспрашивал. Сам, правда, ничего пока рассказывать не хочет – страшно ему, боится собственных воспоминаний.

– Зря боится, – сказала Амали со своим абиссинским акцентом, речь казалась чуть шипящей. – Эти дети вообще не надо бояться, их будут бояться, неизвестные – значит, пугающие. Они очень сильные, я чувствую, все до последнего, даже человеческий младенец – тоже сильный, и есть в нем кровь абиссинки, мать этого дитя будет абиссинка. Не просто так они живы остались, вы их не просто так нашли.

– Неизвестные, – тягуче и почти по слогам сказал Время. – Это да, за последние деньки эта постоянная неизвестность стала мне привычна.

– Девочка темная, это точно, Борис, я чую дух ночи, как только она пришла на мое судно. Тело дрожит от такого холода, какой от нее идет, но гнилью не смердит, благородный холод, жуткий мороз, когда кости ломаются и скрипят. Я чувствовала такой однажды, в ночь, когда темная королева Алишхет пришла на мой корабль, она такой же холод. У них украли ребенка, знаешь это, Борис?

– Знаю, Амали, знаю, их девочку украли, об этом все знают.

– Страшная ночь, море тогда взвыло тысячами темных криков, горе для ночных, неспокойные времена начнутся. Я думала, что, может быть, это глупость, не так чувствую или не так помню, но решила, что надо, чтобы вы знали то же, что и я.

– Амали, ты не поверишь, я и сам думал об этом, но, признаюсь, немного сомневался, благо ты окончательно развеяла мои сомнения. – Борис почесал бороду.

– Стойте, так вы что же, думаете, что девочка, вот эта милая трехлетняя девочка, может быть дочерью Алишхет? – спросил Гордоф недоумевающе.

– Чш-ш, – прошипела Амали. – Не говорить таких слов на моем корабле! Никому никогда не говорить! Уши и глаза – они всюду. Моя команда ни о чем таком знать не должен, ясно?

Гордоф умолк.

– Амали, а про других детей ничего тебе на ум не приходило? – вновь спросил ее Борис.

– Про других не знаю. Взрослый мальчишка непонятный, как будто чуть-чуть то и чуть-чуть се... Поди разбери, редкий он, как будто все есть в нем, каждого из нас сила есть в этой мальчике.

– Смешанный он – это да, только вот не бывает так, чтобы мешалось всё.

– Говорить в голове тоже не бывает, но он говорил в твоей голове. И в твоей, Гордоф.

Миронов задумчиво кивнул, теперь он просто слушал разговор, не вмешиваясь.

– Ну ладно, даже если может он быть, как ты говоришь, чуть-чуть то и чуть-чуть се, что это за смесь, по-твоему?

Амали, кажется, собиралась выдвинуть предположение, но на нее вдруг прыгнуло огромное животное и смачно лизнуло ее смуглую щеку, она же в ответ ласково потрепала огромную голову, запустив руку глубоко в шерсть.

– Хороший кошка-собака, хороший.

Насладившись почесыванием, зверь побежал дальше. Борису вспомнилось, как Волк уговаривал Амали взять пса на корабль, ему это казалось весьма забавным. В голове его зазвучал тот самый диалог:

« – Этому зверь нет места на моем корабле. Если вы хотите, чтобы пес плыл с вами, пожалуйста, я уступлю вам шлюпки, но на мой корабль оно не будет плыть.

– Амали, послушай, это хороший зверь, редкая порода кота – ты глянь на него. Смотри, какие у него уши – как у рыси. Эта кошка принесет счастье абиссинскому кораблю. Редкий, он очень редкий, нигде более вы такой кошки не найдете, и вообще, эта кошка, вероятно, последняя в своем роде.

– Лютер Волк, ты благородный несвычный, я верю тебе, за годы дружбы ты заслужить мое доверие, но я сомневаюсь в том, что оно кошка. Почему тогда этот кот похож на пес? И говорить оно тоже как пес, оно лаять!

– Конечно, я уверен Амали, это кот, просто редкий. Я о нем знаю, потому что в книжках читал.

Амали не верила.

– Ладно, я вынужден признаться, эта порода каким-то образом получилось от кота и пса, но это все же кот, говорю тебе. Разве есть у тебя причины мне не верить? Редкая порода, найду этому зверю пару – и случу, тебе подарю трех котят, ты сможешь продать их за очень большие деньги.

– Продать? – задумчиво проговорила Амали. Абиссинцы очень любили торговать. – Ладно, так уж и быть, если этот кошка стоит хороших денег, я прощу ему, что оно немножко собака».

– Вы видели, как мои люди дружат с этим кошкой-собакой? Хотя я думаю, что это все же собака и Лютер Волк что-то напутать, точно говорю.

– Не знаю, возможно, и перепутал, – отвлеченно и едва сдерживая смех, отвечал ей Борис, – но в одном Волк точно был прав: как он и обещал, эта кошка принесла счастье твоей команде.

– Это-о да-а... Чтобы абиссинцы так ладили с псом, это странно-о. Покровитель моего народа – кошка, большая хищная кошка, пантера. Вы, кстати, видели мои пантеры, они спят в моей каюта, красавицы. А этот зверь похож на собака или что-то такое, но точно не кошка, только уши как кошка. Но не скрою, хоть оно и не кошка, оно мне нравится, и я не выкинуть

его за борт. Борис, скажи мне, что это за зверюга? Не кошка, похожая на волка, но и не волк, размером как маленькая лошадь, но и не лошадь оно тоже. – Амали всегда тянула букву «о», особенно когда тембр ее голоса был весел, в то время, как в обычной ее речи чаще выделялась буква «р». – Это ведь его зверь, мальчика, он ему подчиняется, оно не ело, пока мальчик спал, и постоянно завывало, оно любит мальчишку и будет защищать, если это будет нужно.

– Это еще одна загадка. Не знаю я, что это за зверюга такая и откуда она взялась. Но позволяю себе предположить, что это, может быть, тотемный зверь, как в шаманских кланах. Я спрашивал у Лютера, он тоже говорит, что зверь, скорее всего, волшебный. Не исключено, что это тотем, но и подтвердить этого мы пока никак не можем, потому остается только гадать.

– Вот видишь, мешаный мальчишка. Шаман он, а эти странные слова в голове, это от магов ему далось, или от провидцев. Нет тут совершенной неизвестности, в общих чертах картина ясная. Человеческое дитя с абиссинской кровью, два непроявленных несвычных малыша, один девочка-вампир и мешаный мальчишка. – Амали задумалась. – Скажите, что вы будете с ними делать, зачем вы везете их в Дарт?

– В Дарт мы везем только Вогдаса, старшего мальчика, там есть кому о нем позаботиться, там его тетя Шер, да и Гордоф будет рядом.

– А что остальные?

– Человеческую девочку вернем домой, у нее на шее кулон с именем отца и названием родного города – никому не известный захолустный оазис посреди мертвых пустынь. Этих двоих впервые отыскала твоя команда, наш враг не знает, откуда эти дети и живы ли они вообще, потому риск, что их удастся обнаружить, сведен к минимуму.

– А почему вы не забрать его в Красный лес?

– Я не хочу брать Воги в Красный лес, думаю, там не всем стоит доверять. По всей видимости, кто-то из шаманов предал нас. Мне почему-то кажется, что напавшие на остров Росс искали именно Вогдаса Крампа, и искать они его начали еще до прибытия на остров, но не нашли, чего нельзя сказать о твоих доблестных абиссинцах. Вы сумели его отыскать и привезти в Персиковую долину, но они ведь об этом не знают, и выходит, что вообще ни о чем они не знают. Извещение о детях, направленных на остров Росс, видели только мы, и оно по сей день при нас. Бумагу эту мы перделаем и некоторые имена из нее извлечем, потому вернуть мальчика домой будет вполне разумно. За человеческой девочкой присмотрим тоже, хотя не думаю, что они станут искать человека. Определенно это дитя попало на остров Росс не просто так, возможно, ей суждено стать такой же, как наш Гордоф, или еще что, но искать они ее не станут. А вот малышкой заберем с собой в Красный лес, мы не знаем, откуда они прибыли, к тому же Нирвана с Волком их уже не отдадут – прикипели. Мы решили, что по прибытии в Красный лес скажем, что на острове выживших не было, детей усыпим и перенесем в ящиках с барахлом в жилище к Лютеру с Нирваной, к ним никто не посмеет соваться. А там уж, как поймает гадюку, предавшую нас, скрывать детей надобность отпадет. Я знаю, что ты не предатель, Амали, потому оставлю тебе память, а вот команду ждет забвение. Для этого заклинания требуется минимум пять глав Талар-Архаси, так что тебе придется нам помочь.

Амали Аль-Алам покорно кивнула, она знала, что этот случай требует подобных мер, иначе было никак. Предательство, да еще такое, это дело серьезное. Узнав, что произошло на острове, Амали в первую очередь предоставила Нирване свою руку для определения непричастности к содеянному на острове Росс, а потом по наставлению Бориса Времени все, включая самого Бориса, выпили какое-то зелье, не позволяющее лгать. Хотя не было в этом такой уж необходимости, непреложная клятва, произнесенная главами Талар-Архаси, убила бы предателя. Четверо и Амали Аль-Алам были именно этими самыми главами и до сих пор оставались в полном здравии, что должно было означать их непричастность к содеянному на острове Росс. Но все же способы обойти клятву имелись, для этого нужно было достать парочку демо-

нов Банджабада, что, собственно, и случилось, а помимо того, заручиться поддержкой самых сильных несвychных, а они в большинстве своем являлись главами альянса, хотя и не все.

– Ты не сказал, что станешь делать с темной девочкой. Ты же знаешь, что этот девчонка – вампириша? – сказала Амали, взглянув Борису в глаза.

– Я знаю, что она темная, но вряд ли она вампириша. Если бы я наверняка знал об этом, я бы не сомневался в том, что она дочь Алишхет, другого рожденного вампира я прежде не встречал.

– Ты слеп, мой синий маг, но я покажу тебе... Мальчик! – Амали звала Вогдаса Крампа. – Мальчик, иди ко мне.

Он подбежал, лицо его было покрасневшее, волосы взъерошенные, малец широко улыбался, он наконец ожил.

– Мальчик, я хочу, чтобы ты разгадать мою загадку, только, пока думать, с места не сходи. Вот, слушай: жертву по ночам он ищет, может стать летучей мышью, кровью хочет насладиться, только света он боится. Кто это-о?

– Шутите, это же легкая загадка. И дураку понятно, что это вампир!

– Дураку понятно, а вот Борису непонятно, он эту загадку не разгадать. Ты умная мальчик. Держи, это абиссинская сладость.

Амали взяла руку мальчика и развернула ее внутренней стороной, делая вид, что вкладывает в ладонь конфетку. Конфетку она, конечно, дала, но руку развернула отнюдь не для этого. И тут Борис наконец все понял, как и Гордоф; лица их были очень сосредоточенны.

– Беги, малыш, беги, играй со своей кот-собака. Ну что, вы наконец разгадать загадку? Ответ на загадку и впрямь был на ладони, а если быть точнее – на мягком мясистом валике у большого пальца. Мальчик кормить нашу юную принцессу мирного Банджабада, он дать ей свою кровь, чтобы она выжить, но сам мальчик не обратиться и не умереть.

– То есть он намеренно дал ей свою кровь? – удивленно спросил Гордоф, он был в замешательстве. На ладони мальчика действительно был след от маленьких, но все-таки точно не звериных клыков. – Как это возможно? Как он мог узнать, что ей это нужно?

– У Асшаи были шрамы от серьезных ранений на животе и на шее. Сначала я подумал, что с ней что-то приключилось, и приключилось это давно, задолго до острова Росс, но теперь я думаю иначе.

– Мальчик может не только говорить в чьей-либо голове... – Гордоф призадумался, а потом разом выпалил вдруг снизошедшую на него идею: – О бог мой, да он же мысли читает! Он знал, о чем мы думаем, с самого начала знал. Он вышел, потому что слышал мои мысли. Так он узнал и про потребности Асшаи, прочел мысли умирающего вампиренка или просто как-то почувствовал и помог, дал ей свою кровь. – Гордоф был в восторге от собственной догадки.

– В яблочко, Гордофьян! – Амали искренне оценила его догадку. – Что же вы станете делать с ней? Вы что-то задумать, вы не вернуть Алишхет ее дочь, так ведь? Свободный Банджабад останется без своей темной принцессы, я знать, я уже все знать.

– Ты права, мы не вернем девочку, тем более теперь. Ее однажды украли из Банджабада, и верни мы ее, они сделают это снова. Дочь Алишхет в руках наших общих врагов – это очень дурной расклад. Алишхет сделает все, чтобы вернуть ее, разрушит альянс, откроет тюрьмы Банджабада, направит свои армии разносить мир на кусочки и так далее. Если кто-то сможет манипулировать Темной Королевой, нам конец.

– Да, ты прав, у этой женщины два имени: Мать и Смерть. Но если вы не отдать ей дочь, она и вас убить, это точно, она узнать и убить всех.

– Мы что-нибудь придумаем.

– Хочешь обмануть Темную Королеву?

– Да, хочу, это кажется мне единственным разумным выходом.

– Где вы ее спрятать? Где быть дочь Алишхет? Я уважать королеву Алишхет и хочу помочь вам уберечь ее дитя.

– Думаю, в Охровом оазисе, там не должны искать, в тех местах нет волшебной крови.

– Ты знать, что раньше те места принадлежать абиссинцам, наши караваны по сей день бывают в этих местах. Я созвать отдельный караван пустыни и велеть им беречь детей, принцессу ночи и человеческое дитя, но я не сказать им правду о том, кто эти девочки, я солгать своим людям во имя чести и долга.

Борис многозначительно кивнул, как бы говоря, что он принимает ее помощь.

– Да уж, времена, теперь никому ничего нельзя доверять. В Талар-Архаси есть пробоина, не иначе, крыс развелось море. Поди разбери, как их теперь вывести, всех выродков этих, везде засели: в Брежистале, в Красном лесу и даже в совете. Пока мы окончательно не выясним, что здесь творится, доверять не стоит никому, – сказал Миронов.

Амали задумалась.

– Да, ты прав... Не говори Талар-Архаси, никому не говори. Я и мои люди хранить этот секрет и защищать детей вместе с вами.

Закончив разговор, Амали удалилась.

– Ты уверен, что она не скажет им? – настороженно поинтересовался Миронов.

– Уверен, она из тех, кто выражает свое несогласие напрямую и зачастую яростно. Амали делает только то, что считает правильным. Притеснять собственный рассудок разнородными трениями – дело не абиссинское, они по сути своей едины и уверены в собственных решениях.

Гордоф покорно покачивал головой, с Борисом он спорил редко, потому как уважал его мудрость и трезвую, холодную рассудительность, которая всегда была направлена в сторону благих намерений.

– Вы их запечатаете? Так ведь? – На лице Гордофьяна появилась грусть, он не понимал, как можно отнимать у человека или у несвычного его воспоминания, а тем более его истинную сущность.

– Ты печалишься по этому поводу? – спросил Борис.

– Да нет... Просто думаю, как можно обречь несвычного на существование в какой-то совершенно чужеродной для него ипостаси – все равно что заставить тигра думать, будто бы он овечка.

– А выпустить тигра в загон с несчастными овцами – это тебе как? Поверь, Гордоф, иногда тиграм очень полезно думать, что они простые овцы. Мир между всеми нами существует только благодаря множеству запретов и недопущений, а отнюдь не благодаря уступкам. Ты и сам все это знаешь, и действия твои всегда этим принципам соответствовали, но вот только когда речь заходит о детях, ты теряешь здравую рассудительность. Мы спасаем их от огромного мира и неведомого нам зла, в то время как мир благодаря этому спасается от них. Тем более я верну этим детям все отнятое, когда придет время, если, конечно, они сами все себе не вернут – такую силу так просто не запрешь, это тебе не простецкие несвычи, которые горазды только на то, чтобы благодаря упорным тренировкам выдавить из себя маленькую искру, эти дитятки способны сжигать дотла целые города.

– Ладно, я знаю, что ты прав, и знал это ранее, еще до того, как начал этот разговор. Просто иногда нужно, чтобы кто-то еще раз убедил меня в том, в чем я и так уверен умом, но сбит с толку сердцем. – Миронов легонько усмехнулся. – Я рад, что ты вернешь им самих себя – когда настанет время, разумеется, – хотя не очень-то хочется, чтобы эти времена настали, как бы противоречиво все это ни звучало.

* * *

День для всех прошел быстро. Нирвана и Волк выглядели счастливыми родителями, не выпускающими годовалых крошек из рук, Вогдас и Асшая наконец стали вновь превращаться в детей, их глаза светились, они хохотали и веселились, Борис и Амали много думали и потому вид имели раздраженный и озабоченный, а Гордоф попросту устал – он был немолод, и к тому же был человеком. Но тем не менее с наступлением темноты спать Миронов не лег; вновь оказавшись в каюте один на один с маленьким Краппом, он продолжал рассказывать ему о несвychном мире, его устройстве и обитателях.

– Так вот, про магов и абиссинских странников ты уже немного знаешь, теперь шаманы. Черт бы их побрал, этих шаманов – зверюги, не иначе. Видел нашего Лютера? Здоровенный, весь заросший, да еще и грубиян в придачу, а это его самое невинное обличие. Если встретишь Лютера Волка в другом обличие, то поймешь, что человеческий Лютер милашка. Вот такие они, шаманы, полулюди, полужвери.

В зверюг превращаться не все шаманы могут, у них уходят долгие годы на то, чтобы этому научиться, должна образоваться такая связь с тотемным животным, а именно – духовная связь. Вроде как в конце концов они сливаются, становятся одним целым, как Лютер и его волк. Или волки – я не знаю подробностей, он редко хвастается своими тотемами.

У каждого шамана есть свой зверь, впервые они встречаются с ним, уходя в глубокий транс, это что-то вроде сна. Может, когда-нибудь тебе доведется попасть в Красный лес, тогда увидишь, как там все устроено: вся стая собирается у костров, чтобы попасть за черту мыслительного горизонта, им по первости в этом параллельном мире приходится пребывать долгие часы, а иногда и дни. И вот, находясь в этом подвешенном состоянии, они встречают свой тотем, а потом призывают его каким-то там образом – прости, но я уж не знаю, как они все это проделывают. В итоге, после того как тотем – или, проще говоря, зверь – нашелся и они его призвали, происходит первое знакомство, только теперь уже в реальном мире. Животинка эта на следующий день из лесу выходит как ни в чем не бывало – и напрямик к хозяину, словно бы когда-то потерялась, а теперь пришла вот, вся такая довольная, что нашлась. Таинственное и очень счастливое это зрелище. Бывал я как-то на такой вот церемонии воссоединения, и скажу тебе, что мое старческое нутро по-настоящему вострепелось. А с тобой ничего такого не происходило? А то, я смотрю все, пес у тебя такой. Может, ты тоже шаман?

Мальчишка пожал плечами, лицо его выражало неуверенность.

– Он просто пришел. Пришел, когда на нас напали, и стал защищать. Я не звал его и прежде никогда не встречал. Да и превращаться в зверя я тоже не умею, – как-то грустно сказал Вогдас.

– Ну, превращаться вот так вот сразу никто не умеет, долгие годы зверь и шаман существуют отдельно, они дружат, спят вместе, едят, охотятся – и только потом, если шаман силен, он может превратиться в своего зверя. Ну, во всяком случае, Лютер мне так говорил. Ты меня, конечно, слушай, но всему не верь, я ведь далек от этих дел. Еще бывает, что у одного шамана есть несколько животных – ну, это ясно, что только у сильных.

– А если шаман вселил в себя тотемного зверя, он может его выпустить и потом опять вернуть назад?

– О да, это они могут. Лютер так давно умеет, он, кажется, теперь ищет в себе новых зверей, а это очень сложный и длительный процесс, как я уже говорил. Они ведь тоже, тотемы эти, просто так не появляются, от простого хотения, их надо ждать, искать, заманивать, задабривать... Но опять же не всегда сила шамана измеряется в количестве его зверей, тотемов может быть много, но там одни белки да мыши, и все тут. Понятно, что волк окажется сильнее, хотя, конечно, бывают такие белки, что мамочки... и тигра разорвут! В общем, тут главное не какой у тебя зверь и сколько их, главное – мастерство шамана и его единство со своим тотемом, вот так-то. А ты какого зверя хотел бы себе в тотем?

– Не знаю. Может быть, льва! Или пантеру, или волка такого же большого, как мой! Я хотел бы сильного! А вы? В кого бы вы превратились? Может быть, в огромного медведя с клыкастой пастью. Р-р-р-а-а!

Юнец закричал, изображая рык, руки он развел в стороны и растопырил пальцы, словно бы это были когтистые медвежьи лапы. Мальчишка рассмеялся, ему было интересно и весело, фантазии и образы обгоняли его собственные мысли, что вполне естественно для детей.

– Эм-м, нет. Какой же из меня медведь? Я бы хотел превращаться в маленького мышонка. – Гордоф наморщил нос, зафыркал и принялся щекотать Воги, тот в ответ звонко хохотал – видно было, как страх и скованность от душевных переживаний понемногу отступают. – Пусть мышонки и мал, но он пронырлив, можно было бы протиснуться во все щели, влезть на любой корабль или даже в крепость. Вот так то, кто заметит серого мышонка? Представляешь, сколько можно выведать секретов и всяческих тайн раскрыть. Не обязательно быть могучим и сильным, можно быть маленьким, но при этом очень страшным. Все боятся, что их секреты раскроют, так что знающие всевластны, сынок, запомни это. Да и к тому же тигр бы мышонка не поймал, не-а, тем болеемышленного. Тигр по сравнению с ним слишком громоздкая тварь, неповоротливая.

Ладно, из всех светлых несвычных остались только веды, такие как наша Нирвана, клан у них совсем небольшой. Наверное, ты и сам понимаешь, что они собой представляют, видения у них всяческие, предсказания и все такое. У этого клана, как и у шаманов, есть свое место обитания – Хрустальная гора. Говорят, невероятно красивое местечко, всюду сумрачная синева, светлячки, освещающие каждый лепесток, холодные горные ручьи, реки и водопады – много я об этом месте читал, но никогда там не был, слишком уж далеко. Кстати, Нирвана-то с Борисом родня, родные брат с сестрой, ты знал об этом?

– Это как? – мальчик удивился.

– Ну, как-как... Мать их веда, а отец маг, и все тут. Как у кошек: если, к примеру, черный кот с белой кошкой погулял, то и котята у них рождаются разноцветные – один котенок черный, другой белый.

– А может родиться двухцветный котенок... ну, то есть не котенок, конечно, а несвычный?

– Борис говорит, что он такого не встречал, а он редко верит в то, чего воочию не видел. Это я говорю о полноценном обладании двумя разнонаправленными способностями. В мелочах при таком раскладе, как у Нирваны и Бориса, способности вед могут проявляться в магах и наоборот. Нирвана, кажется, способна на мелкое колдовство, но все же магией как таковой она не обладает.

– А как вы считаете?

– Я и не знаю даже, мне кажется, может быть и полноценная помесь. Бытует мнение, что лучше всем им не мешаться, якобы чистокровное дитяtko сильнее будет, но я думаю, что все это вздор. В общем, все несвычные давно уже между собой мешаются, вон как Нирвана с Лютером, у них ведь любовь, и какая разница, кто какой породы, хотя, конечно, веды очень не любят, когда их кровь портят. Нирвана, как и мать ее, изгнанница. Хрустальная гора – это дом чистой крови, так что так. Хотя являться они туда могут в любое время, по делам каким или просто погостить, это не возбраняется.

– А если несвычный полюбит человека, кто у них родится?

– Да все так же, как с черным и белым котенком – либо человек, либо несвычный, только несвыч, скорее всего, слабенький там выйдет, так чаще всего бывает. Да и все равно какой – таких несвычных запечатывают, иными словами, забирают их силы, делают людьми, понимаешь? Поступают так не без причины и уж точно не из жадности насолить, в общем мире молодым несвычным жить нельзя, дел они могут натворить немало. Поэтому столько детей на острове

и собрали, большую половину из вас должны были запечатать, таков закон. Силы оставляют, только если ребенок в туманности обитает, в месте для людей недосыгаемом: Красный лес, Хрустальная гора, остров Росс, Банджабад – все это так называемые туманности.

– А что такое Банджабад?

– Это пристанище темных несвычных, мой мальчик, цепь островов, тянущаяся посреди океанских просторов. Семь из них зовутся свободным Банджабадом, на тех землях темные обитают вместе с человеческим народом – кто его знает, как так вышло, просто исторически сложилось. Правят в темном царстве Банджабада королева Алишхет Авади и король Абадон Авади. Пока я не советую тебе их встречать, личности, на мой взгляд, они довольно сложные, но тем не менее дело свое знают и народ свой держат в узде. Они там больше сами с собой якшаются, не особо любят гостей, без серьезной причины со светлыми они не взаимодействуют, я ведь уже рассказывал об этом, кажется, вчера... Говорят, народ Банджабада очень дисциплинированный, темные короли обладают огромными армиями, причем нечеловеческими. Основное население Банджабада – это вампиры, единственные несвычные существа, не родившиеся таковыми, а ставшие ими в процессе человеческой жизни. Люди считают, что вампиры – это зло, но, в сущности, это совсем не так.

– А разве они не пьют человеческую кровь? Не убивают людей?

– Раньше – возможно, тогда они были простыми людьми, которых внезапно атаковал голод, чудовищный голод, который способна была утолить только человеческая кровь. Зверь ведь убивает оттого, что хочет есть, а не оттого, что хочет убить, просто по-другому он не может: или он убьет, или умрет сам. Такими были и вампиры, но с приходом к власти Авади все изменилось. Эти правители оказались умны, они организовали какую-то там договоренность с людьми, вроде как кормят их, обеспечивают землями и целебными снадобьями, а люди взамен жертвуют для них свою кровь в малых количествах – кажется, раз в год. Кровь в человеке, знаешь ли, не закончится, только брать ее нужно понемногу. Если человека ранить – рана заживет, а если забрать у него немного крови – уровень ее за какое-то время полностью восполнится. Так что вполне можно сказать, что люди и вампиры существуют на взаимовыгодных условиях.

Помимо вампиров, в Банджабаде обитают и другие существа: темные маги, провидцы и даже некроманты, – но, как правило, последние сменяют сферу своей деятельности и становятся мастерами зельеварения, потому что некромантия в современном несвычном мире строго запрещена. Так что все действующие некроманты коротают свою жизнь в темницах тюрем Банджабада.

Кстати, о тюрьмах. Последний остров Банджабада, расположенный чуть поодаль от остальных, – это как раз таки тюрьма. Стены, вздымающиеся со дна океана и тянущиеся до самых небес, скрывают за собой все самые чудовищные страхи наших раздумий, это пристанище обреченных – демонов Банджабада, так их называют, все они убийцы, бескомпромиссные и пощады не знающие. У них нет принадлежности к темным или светлым, к людям или нелюдам, это проклятые существа, отвергнутые всем родом земным, и даже природа их отвергает, гибнет и вянет при их пришествии. Души напрочь прогнили от той едкой злобы, что внутри сидит, кровь наполнилась ядом и стала черной, как смола, тело омертвело, стало бездыханно и замерзло – в общем, страсти, да и только. Их бы прикончить всех до одного, мертвюг этих, да вот только мертвого не убить, такой вот парадокс, потому их там и держат, обрекая на страшные мучения и истязания.

– Я видел их там, на острове, – тихо сказал мальчик, кулаки его были сжаты, а лицо побледнело.

– Да? – тихо поинтересовался Гордоф, чуть ли не шепотом. – И что же ты видел?

– Когда они пришли, все потемнело, зелень посерела и стала усыхать. Их, кажется, было несколько, а с ними какое-то существо, я точно не знаю, я не видел его, оно было в длинном балахоне.

– Наверняка существо это было весьма внушительного роста?

– Да, два с половиной метра, не меньше. Они убили всех, кто был им не нужен, кроме тех, кто смог сбежать и спрятаться. Они убили всех, кто пытался сражаться. Детей они сначала не трогали, собрали всех в огромный загон, я видел, как этот высокий и его демоны ходили сквозь них, нюхали, осматривали, закрывали глаза, прикасаясь к ним. Они выбирали, кого оставить себе, а кого убить. Еще я слышал их разговор, они, кажется, искали вазу или банку – не помню, что-то такое. По-видимому, у кого-то из детей был предмет, который был им нужен, но наверняка я этого не знаю.

– Наверное, они искали сосуд, не так ли?

– Да, именно.

– Как думаешь, по какому принципу они отбирали детей?

Мальчик отрицательно помотал головой, грустно глядя в пол.

– Я почти ничего не помню. Это как вспышки, иногда я вспоминаю, но то, что я вижу, похоже на сон. Помню, как все бежали, помню лес и речку, и крики, помню, как горели дома и как кричали люди, – эти воспоминания как бы имеют свое начало, но середины и конца в них нет. Все похоже на мелкие обрывки рисунка, не имеющие никакого смысла, пока их не собрать воедино.

– Ну а что было до всего этого?

– Ничего не было, – твердо ответил мальчик, глядя в глаза Гордофу.

– Как же это?

– Пустота. От момента прощания с Шер в Дарте до момента, когда все началось. Я не помню совершенно ничего. Но какая разница, мы ведь скоро вернемся, а там уж...

– Чего?

– Я слышал, о чем вы говорили... ну, там, на палубе. Вы запечатаете нас, так ведь, мы не сможем вспомнить.

Гордоф был шокирован, и его больше беспокоило не то, что мальчик все слышал, а то, как спокойно он это принял.

– И что же, не будет никаких истерик или пререканий? Вот так вот спокойно? Удивительный вы юноша.

– Я знаю, что по-другому домой мне не вернуться. Я очень скучаю, понимаете, там моя тетя Шер и друзья. Тем более я не хочу помнить это, мне страшно. – Вогдас был просто ребенком, ранимым и искренним. – Но только, пожалуйста, расскажите мне все это, когда я стану старше, я должен найти Асшаю. Я слышал, Борис сказал, что так можно.

– Конечно, как только придет время, все откроется. А я, пока ты мал и беззащитен, буду рядом, чтобы блюсти порядок, защищать тебя и твою тетушку. Я в обиду вас не дам! И за другими детьми мы присмотрим, не волнуйся об этом. Я обещаю тебе! А уж мое слово нерушимо, так и знай!

– Асшая плакала, она просила меня убежать с ней, она не хочет, чтобы мы расставались, а я не хочу помнить все это, не хочу бояться. Она говорит, что ей всегда будет плохо без меня, а мне без нее, но я не могу позаботиться о ней, я ведь еще ребенок.

– Не можешь? Ты ведь заботился о ней все то время, пока вы были там, ты спас ее и малышей. Никогда не думай, что ты чего-то не можешь, и тем более не говори, что не можешь, после того, как уже смог, это дурной тон – тон человека, который сдается либо трусит. Но ты действительно еще ребенок, поэтому мы позаботимся о ней, защитим... Не волнуйся, ее никто не найдет, а когда придет время, вы вновь встретитесь.

Глава 2.

Мир людей. Брежистальская крепость. Все начинается с яблока

Брежисталь – величественная и могучая столица Араклии – гордо несла свою корону, венчающую голубые воды белым золотом безупречных берегов. Любое упоминание о Брежистале мгновенно переносило жителей Араклийских земель на сияющие чистотой и свежестью улицы из камня цвета слоновой кости. Одним виделись образы тонких дам в дорогих нарядах, расхаживающих посреди пышных розовых кустов, цветущих на фоне синеглазой дали, другим – торговые улицы с их богатыми лавками, украшенными сдержанными вывесками и лучшими своими изделиями, выставленными под навесами у входа. Но все витания меркли, становясь вторичными на фоне размышлений о грации и силе Брежистальской крепости – крепости, в честь которой столица и получила свое название.

Громадная и белокаменная, она обладала высокими стенами и многими десятками различных башен: покорно сидящими коротышами, скрывшимися в тени высот; более длинными и изящными осинками, подростками, сумевшими достать своими кровлями до лучей солнца; толстыми бочонками, угрюмо выпятившими свои покатые животы, и, конечно же, настоящими гигантами, горделиво взмывающими до небес, – главенствующей девяткой. Что бы ни посягало на эту блистательную мощь – время, войны или стихии, – все терпело поражение, исчезало, в то время как стены Брежистала, истерзанные, но не павшие, продолжали стоять. Неизменное многовековое могущество белого камня привлекало все больше народа, в результате позади крепости вырос целый мир, мир людей, желающих жить в тени великих стен, гарантирующих безопасное существование.

Столица удалялась от крепости на многие-многие километры, сменяя свои прекрасные, словно нарисованные маслом пейзажи на скромные неприметности, а потом и на привычную всем грязь и бедность. Эти удаленные, нищие уголки звались «поросычьим хвостиком». Но даже «поросычий хвостик» не взывал в лепетаниях, его жители гордо называли себя брежистальцами, восхваляя протухшие лужи грязи, в которых жили.

Вечерело, солнце уже скрылось в лиловых облаках заката, но лучи его все еще пробивались сквозь пышные небесные перины, озаряя комнату вехарма широкой розовой полосой. Гордофьян Миронов подошел к окну и окинул взглядом тянувшуюся к небу восьмерку; всего башен было девять, но, поскольку комната Гордофа находилась в одной из них, видел он только остальные восемь. У каждой из башен был свой неповторимый характер, который человек с воображением узрит, взглянув всего лишь раз, а также собственные имена. Нравы и имена башни получили благодаря людям истории, тайны и характеры которых пропитали крепостные стены, наградив их душой.

Самая широкая, внушительная объемом и силой – башня Железных Ливней. У ее подножья безостановочно растущим лабиринтом раскинулись казармы и дворы, множество стрельбищ, оружейных и конюшен – в общем, площадь территории, принадлежащей Ливням, была огромной, и называлась она военным городком. Хозяином башни был Довзлат Эрг – магистр военного дела, он же верховный командующий армией Брежистала, или верховный армариус башни Железных Ливней. Помимо него, башню населяли и другие магистры, или мастера, как их иначе называли: искусства боя, оружейного дела, боевой тактики, – и тысячи их доблестных учеников, в чьих еще неокрепших душах взращивали честь и отвагу, свойственную доблестному воину, хотя, конечно, большее внимание уделялось взращиванию мускул. Вторая по размеру башня носила название Песнь Алиадны, иначе ее называли Башней моряков. Вехармом

этой башни являлся Кормат Борт, или верховный командующий военным флотом Брежисталя, в ней и в остальных башнях все было устроено по тому же принципу, что и в Железном Ливне.

Гордофьян Миронов перевел взгляд на свою собственную башню – Трех Полнолуний, в ней он отыскивал окно, ведущее в угольную черноту напрочь сгоревших стен; гарь влекла его, утаскивала разум в скрежещущий мрак, вытягивая мысли из самой глубины. Гордоф пару дней назад переехал в башню Пьяной Розы, так как его опочивальня в Трех Полнолуниях вспыхнула красным пламенем. Служанка Гордофа, Марьяна, обронила свечу на книги. По ее рассказам, комната вмиг вспыхнула, и сделать с этим она ничего не смогла. Подобное и впрямь могло произойти, опочивальня буквально складывалась из множества макулатуры. Книги, письма и прочие бумаги вырастали из пола, словно пещерные сталагмиты, только рост их происходил не за счет падающих сверху капель, а за счет все новых и новых бумажных кип, складываемых друг на друга.

Гордофьян наконец отошел от окна. Сняв свою темную мантию хранителя, он нырнул в удобную ночную рубашку и уже собирался лечь в постель, но ему помешали. Кто-то стучал в дверь.

– Кто там? – раздраженно фыркнул Гордоф, но вместо ответа вехарм услышал повторный стук.

Миронов настороженно приоткрыл дверь, за ней никого не оказалось. Он было решил, что кто-то ошибся дверью, но через секунду понял, что это вряд ли была ошибка: на полу лежало письмо. Взяв его, вехарм направился к своему столу.

Миронов с любопытством крутил запечатанную бумагу в руках, письмо не имело ни штемпеля, ни имени отправителя. Открыв письмо, Гордоф ужаснулся и рухнул в кресло, стоящее позади него. Длинные, резкие буквы с заостренными концами складывались в текст, походивший на кровожадную дьявольскую пасть:

«Раз, два, три, четыре, пять, смерть опять идет искать.

Крики залы наполняют, смертных души пожирают.

Если старый не дурак, спрячешь то, что сдержит мрак».

Гордоф сразу понял, что за письмо попало к нему в руки, он видел подобное и раньше. Эту бумагу называли письмом от самой смерти, все ужасные события, происходящие в Араклии, начинались с этого письма. За последние пять сотен лет было получено несколько подобных писем, но только некоторые из них повлекли за собой беду. Они пришли ниоткуда и забрали жизни в никуда, посеяв войны, голод и болезни. Учитель Гордофьяна Миронова говорил, что это проклятие, но это было не так, проклятьем эти письма становились лишь в руках глупца, как позже понял Гордофьян, а в руках человека сведущего письмо было предостережением, присланным с благими намерениями.

Пару-тройку лет назад, за несколько дней до прихода письма, Гордоф бродил по рынку, где столкнулся с очень странным человеком, что для самого Миронова неожиданностью не стало: глаза его видели столько необычного, что очередное подозрительное событие с участием неизвестной личности ничуть не выбило его из колеи. Странный человек сунул в руки хранителя увесистый сверток. «Это то, что сдержит мрак», – сказал он и растворился в толпе. В свертке была книга, которую он передал Борису, а тот, в свою очередь, надежно ее спрятал. Гордоф знал, что делать, когда письмо пришло впервые, как он знал это и теперь. За последние два года в руки армариуса попало еще две книги, которые Борис велел ему спрятать самостоятельно.

* * *

Черный коридор брежистальской башни озарил тусклый свет свечи, высокая фигура в длинной ночной рубашке, торопясь, шагала по направлению к лестнице. Преодолев дюжину ступеней, вехарм занырнул под лестницу и приблизился к малозаметной двери. Отыскав нужный ключ на свисающей с шеи цепи, он отпер дверь и ворвался внутрь. Подойдя к спящему на кровати парню, Миронов с облегчением охнул:

– Жив!

Убедившись в том, что с юнцом все в порядке, Гордоф ринулся к книжному шкафу, все в опочивальне стало переворачиваться и шуршать.

– Верховный армариус, это вы? – со страхом в сонном голосе произнесло тело, резко подорвавшееся с постели.

– Да, Поли, это я. Кое-что произошло, вставай, ты мне нужен.

Полтер Гейст, семнадцатилетний парень, являлся одним из учеников Гордофьяна Миронова, верховного армариуса башни Трех Полнолуний. История знакомства и взаимоотношений этих двоих не ограничивалась простыми понятиями «учитель» и «ученик», Гордоф относился к мальчику очень тепло, по-отечески, но только когда они оставались наедине. В присутствии третьей пары глаз Миронов охладевал и принимал типичный для него образ окаменелого истукана.

Знакомство их произошло довольно давно, Гордоф был без ума от мелких механизмов, поэтому частенько захаживал к часовщику по имени Гарри Гейст. Поли, в свою очередь, являлся сыном того самого Гарри Гейста. Тикающие безделушки Миронов любил страшно, потому прошло немало времени, прежде чем среди механизмов неодушевленных он наконец рассмотрел одну маленькую, немного несуразную человеческую конструкцию по имени Поли, шестеренки в голове которой работали с потрясающей скоростью, а потому армариус башни Трех Полнолуний, недолго думая, взял маленький, хаотичный, еще не до конца отлаженный механизм себе. В ту пору Поли было около девяти.

Башня Трех Полнолуний набирала довольно много учеников. Окончив обучение, они могли стать магистрами книжных дел, лекарями, травниками и историками. Но Гордоф взял Полтера не для того, чтобы сотворить из него лекаря или травника. Гордофьян Миронов вырос в себе уверенность в том, что именно этому мальчику суждено стать армариусом Трех Полнолуний после него. Задача была не из легких, в течение десяти лет мастера башни Трех Полнолуний набирали всего семерых учеников, которых обучали делам армариусов, и Поли удостоился этой чести. Мальчику пришлось несладко, другие ученики были детьми из знатных семей и к тому же превосходили его уровнем знаний и возрастом; они относились к Полтеру так, будто он всего лишь грязь под их ногтями, от которой хотелось скорее избавиться. Комнату ему дали самую маленькую, да еще с такой дверью, которую было просто невозможно заметить. Это беспокоило Поли, ведь двери в комнатах других учеников были большими и красивыми, с гербовыми знаками башни Трех Полнолуний. Маленький Полтер Гейст как-то раз нарисовал на бумаге герб и прицепил его к двери, чтобы почувствовать себя ближе ко всем остальным, но верховному армариусу это совсем не понравилось, он любезно попросил мальчика снять рисунок и больше ничего такого не делать. Тогда же Гордофьян рассказал Поли о том, что когда-то очень давно эта комната принадлежала ему самому, и поэтому Полтер должен быть горд, ведь ему довелось жить именно в этой комнате, комнате верховного армариуса башни Трех Полнолуний. После разъяснений Миронова Поли стал иначе относиться к своей опочивальне и ее дверям. Но отношение других учеников и даже некоторых магистров к мальчику оставалось неизменным, даже по прошествии многих лет все считали его в край обнаглевшим нищим голяком, позволившим себе высунуть свою безродную моську из грязной лужи «поросячьего хвостика», тем самым оскорбив высокое общество.

– Вехарм, это вы? Вы что-то ищете?

– Да, мне нужен ключ, черный с золотым ребром, он спрятан в одной из этих книг.

– Я знаю, где он! – воскликнул парнишка, затем подошел к шкафу и вытянул большую книгу в сером переплете. Взяв ее в руки, он стал спешно перелистывать страницы. – Вот он, он всегда лежал в этой книге, но я к нему не прикасался. – Поли протянул книгу с лежавшим на ее страницах ключом Гордофу. – Верховный армариус, простите, что не сообщил вам о том, что нашел ключ. Я думал, вы решите, что я украл его.

Гордоф вынул ключ и внимательно повертел его в руках, убеждаясь в подлинности. Затем захлопнул книгу и с любопытством глянул на обложку.

– Вот уж не думал, что ты возьмешься это читать – скука смертная, а не книга.

Поли пожал плечами.

– Вы ведь сами всегда говорили, что необходимо читать не только то, что нравится... Да и других книг у меня все равно нет.

– Так почему же не попросишь новые? Магистр читальных дел с радостью предоставил бы тебе новый материал для чтения.

– Я просил, но он считает, что я еще недостаточно изучил уже имеющиеся у меня книги.

Поли вдруг вспомнил свою последнюю попытку выпросить новые книги, а вместе с тем и высказывание магистра читальных дел: «Обойдешься, дружок, безродные дворняжки таких книг вообще читать не должны. Скажи спасибо, что я дал тебе прошлое чтиво».

– Магистр Рейвс – идиот, Поли, – фыркнул Миронов. – Я скажу ему, чтобы он выдал тебе новые, но это будет завтра, а сегодня у нас есть дела поважнее. Нам нужно идти, накинь что-нибудь на плечи, только быстро, задерживаться нельзя.

Гордофьян и Полтер тихонько вышли из комнаты и быстро шмыгнули за угол. Им пришлось долго петлять по замку, прежде чем они оказались у арки, ведущей в читальный зал. Библиотека Брежисталя была огромной, книжные шкафы тянулись высоко вверх, а между многими десятками рядов легко можно было заблудиться. Гордоф направился в один из книжных коридоров, парень следовал за ним. Они шли меж шкафов, пока не оказались в тупике.

– Мы пришли, Поли. Помоги мне сдвинуть стеллаж у стены.

Книжные полки скрывали за собой дверь. Хранитель достал черный ключ и отпер замок.

– Что это за место, вехарм Миронов?

– Это мой подвал с редкими книгами, в нем хранятся секреты, о которых нужно молчать и которые мы должны защищать даже ценой собственной жизни. Если одна из этих книг попадет не в те руки, может случиться беда. Мы здесь кое-что ищем, Поли, боюсь, это место больше не безопасно для некоторых книг. Думаю, кто-то очень сильно хочет их найти, кое-кто очень нехороший. Нужно спрятать эти книги надежнее, конечно, если они все еще здесь, – с дрожью в голосе сказал Гордофьян.

– Как они называются? – нетерпеливо спросил Полтер.

– «Черный ветер» и «Проклятый странник».

Мальчик кивнул и в ту же секунду начал осматривать переплеты. Сразу обнаружить необходимые книги ему не удалось, зато он наткнулся на нечто чрезвычайно любопытное. Он должен был проигнорировать свой ярый интерес, но не смог. Гейст тихо достал заинтересовавшую его книгу и отошел в сторону, так чтобы вехарм этого не заметил. «Возвращение зеленого паруса», – прочел он на переплете, убедившись в том, что зрение его не обмануло. Но едва он успел взглянуть на страницы, как Гордоф заметил его шалость и неодобрительно посмотрел в глаза Поли, безмолвно веля ему сейчас же вернуть книгу на место.

В Брежистале, да, впрочем, и во всей Араклии, существовали такие понятия, как «молоко» и «зеленые паруса». Молоком называли ту часть мира, которую никто никогда не видел, на всех картах была очерчена граница, которая показывала конец изведанного мира, все, что было за границей, окрашивалось в молочный цвет. Считалось, что там нет ничего, кроме бесконечных вод, но такой скучный расклад мало кого устраивал, всем приятнее было пофантазировать на тему: «А что там, за чертой?..» Человечество неуклонно стре-

мится к познанию мира с целью его дальнейшего порабощения, и именно по этой причине несколько лет подряд из Брежисталя, Дарта и множества других городов Араклии отплывали корабли с молочными парусами, так сказать, на поиски нового мира. Было решено, что, если земля найдется, команда поменяет паруса на зеленые и таким образом известит город об удачном путешествии еще до прибытия в порт. Все с нетерпением ждали, когда же в голубой дали замелькают зеленые паруса, но, увы, за все эти годы ни одна из попыток найти землю не увенчалась успехом. Корабли отплывали и возвращались с одними и теми же парусами, а люди, выжидавшие появления зеленого цвета вдали, так и продолжали возмущенно бормотать себе под нос: «Опять молоко плывет», – махнув на возвращающиеся корабли рукой.

Мальчишка хотел было взбунтоваться или засыпать хранителя вопросами о зеленых парусах, но не мог позволить себе этого, тем более при данных обстоятельствах. Поэтому он виновато опустил голову и принялся дальше искать. Он перебрал немало книг, прежде чем в его руках оказалась та самая, а именно – большая книга в переплете из темной кожи, под названием «Черный ветер». Полтер попытался открыть ее, но у него не вышло, книга не поддавалась никаким усилиям цепких юношеских ручонек.

– Эту книгу никто не способен открыть, Поли, даже я. Кто-то очень постарался защитить то, что в ней скрыто. Думаю, секрет, который несет «Черный ветер» на своих страницах, доступен лишь избранным. – Вторая книга уже находилась в руках Гордофьяна. – Все, Поли, нам пора идти.

Хранитель вернул мальчика в его спальню и скрылся где-то в темной гуще пустых башенных тоннелей.

* * *

Прошло уже полгода с того момента, как Поли Гейст побывал в книжном тайнике, но событие это ни в какую не хотело покидать его буйную юношескую голову. Во всем крылась некая тайна, пробуждающая тот самый, пахнувший свободными ветрами приключенческий дух. Поли пытался отыскать в происходящем ясность, но выходило у него это скверно. Понять, почему вехарм спрятал ключ именно в его комнате, а тем более почему взял ученика с собой, было крайне сложно, ведь Миронов вполне мог справиться и самостоятельно, без помощи какого-то сопливого подростка, каким Полтер Гейст себя считал. Да и вообще все здесь было неладно, последнее время Миронов вел себя крайне странно, все время оборачивался и каждую ночь заглядывал в комнату Поли, проверяя, на месте ли он. Парень знал – что-то происходит, и это пробуждало любопытство ровно настолько же, насколько и пугало.

Это было не всё. Гигантский поток постоянно поступающей учебной информации был прерван еще одной широкой думкой, ставшей в голове прочной плотиной, через которую ничто не относящееся к делу просочиться не могло. Размышления о книге, имя которой было «Возвращение зеленого паруса», – вот что засело у Поли в голове; теперь он все время думал о том, действительно ли один из кораблей вернулся домой под зеленым парусом, и если да, то почему правду скрыли. Юноше удалось прочесть всего одну строку, прежде чем Гордоф его заметил: капитан корабля Рой Оджини, магистр башни Песнь Алиадны, верховный командующий разведывательным флотом Брежисталя. К сожалению, в моряцкой башне не было магистра с таким именем, этого Полтер точно не мог упустить, ведь знал всю историю Брежистальской крепости вдоль и поперек – он, как это полагается любому книжному червю, вымазал своей любознательной слизью все книги, которые могли иметь к этому то или иное отношение, но, увы, безрезультатно.

«Историю в большинстве своем пишут лжецы», – звучал голос верховного армариуса башни Трех Полнолуний в голове у парня, и он не мог быть не согласен с этим утверждением: ложь повсюду, книги врут, люди врут... Но, во всяком случае, не все они. Честную книгу отыс-

кать пока не представлялось возможным, поэтому самым разумным в сложившейся ситуации было найти честного человека, спросить об этом у того, кто в данном вопросе может оказаться более сведущ. Поли давно уже знал, у кого именно стоит узнать об этом, но так и не отважился, ведь этот человек был девчонкой, и ладно бы просто девчонкой – этот человек был девчонкой, вызывающей у молодого парня приступы стеснения, связанные с выплеском буйствующей пылкости и робкого благоговения, выступающих бурой краской на молодом лице.

Девушку звали Агата, она так же, как и Поли, была безродной и так же, как и Поли, претендовала на армариуство, вот только не в башне Трех Полнолуний, а в Песни Алиадны, что было большой редкостью, ведь всем известен факт, что не слишком много девушек грезят о достижении мастерства в корабельном деле. Темноволосая, смуглая и кареглазая, она могла бы снискать гораздо более спокойную судьбу, но сильные люди, как правило, выбирают для себя пути тернистые, и чем больше колючек, тем более полноценной им кажется жизнь. Да и к тому же кошачья ловкость вкупе с совиной мудростью и абсолютным бесстрашием мало пригодны для варки супов, а в делах морских такие качества очень даже ценны. Агата знала все о кораблях и капитанах, дальних плаваниях, битвах на воде и их исходе, штормах и кораблекрушениях. Полтер ничуть не сомневался, что в скором времени она станет вехармом Песни Алиадны, такой же смелой, справедливой и могущественной, какой была сама Алиадна, первая хранительница моряцкой башни, одарившая мертвую конструкцию именем и красивой легендой. Все воспитанники Брежисталя знали эту историю назубок, как, впрочем, и другие истории о возникновении башен и самой крепости, о людях и событиях, с ними связанных; местные дети возвращались на этих сказках так же успешно, как на материнском молоке.

Время пожирает все на своем пути, а то, что пожрать не в силах, деформирует. От этой силы сложно ускользнуть, оставшись неизменным, но возможно. Вот и эта история, как бы сильно ни была она изменена временами и людскими головами, в Лету все же не канула, осталась здесь, на поверхности, все еще кочуя из уст в уста.

Поли был совсем мал, когда узнал эти легенды, поведал их ему не кто иной, как Гордофьян Миронов, тогда он часто заходил в гости к часовщику, и там, в приятном стрекотании летних вечеров, меж долгих кружек чая, дарил мальчику рассказы о прошлом, весомо припорошенные фантазией пылью. Все это было сказкой, окрашивающей жизнь маленького мальчика чудными красками; он внимал каждому слову, и даже после стольких лет эти истории звучали в его голове все тем же голосом и все в той же славной манере, с которой армариус их преподносил:

– Давным-давно, во времена, коих нынешний народ не мог упомянуть, а только лишь представить, читая тексты гнилых книг, схороненных под толстым слоем пыли, мир был иным. Тогда в нем еще не существовало Араклии, земли были разрозненны, не слиты воедино общими нравами и правлением, как это стало нынче. Тогда все было по-другому: каждому углу – по своему королю, а каждому королю – по шапке дурака, иль дураку по короне, тут уж сам выбирай, как тебе больше нравится. Собственно, оттого-то мир тот увязал в непрекращающихся войнах.

Ужасное было время – голодное, холодное, нищее и всем отвратительное. Править у тех шутов не слишком выходило, а вот резать своих соседей, разбойничать и грабить – только так. Конечно, были среди тех правителей и здравые, они бы все эти напасти с радостью остановили, да вот только иль силы у них не хватало, иль смелости. В общем, тех, кого не пожрала глупость, пожрала слабость.

В те злополучные времена существовало одно маленькое государство во главе с таким же дурным королем, какими все они в ту пору были. Дурной-то он дурной был, но плодовитый, детей народил до кучи: троих сыновей и дочерей с пару десятков. И все бы хорошо, но вот ведь какая беда: что ни ребенок, то бастард. Жинка его, королева, как это было ни прискорбно, вынашивала только смерть: говорят, не один из многочисленных ее чад воздуха при рождении

так и не глотнул. Вообще, сильная тетка была эта королева, всех отпрысков внебрачных воспитала как собственных детей, но вот только ее они не были. В общем, в конечном итоге она сломалась – иные говорили, спуталась с темной силой, ведьмой стала, но я думаю, что просто-напросто поехала умом, и все тут. Закрылась в своей башне и сидела там несколько лет, и лучше бы там она и осталась, но не осталась, выползла все-таки, гадина, и натворила дел.

По ее велению все королевские дочери были согнаны на крепостную стену, тянущуюся вдоль кручи, вплетающейся своим сильным основанием в каменистый берег. Никто не думал, для чего ей это надобно или зачем, тем более короля и его сыновей в замке в тот день не было, уехали они на охоту. Советоваться, стало быть, и не с кем, да и королевскому велению перечить не пристало, вот и сделали все как было прошено. Ну а на закате девятнадцать девиц, связавшись друг с дружкой косами и взявшись за руки, одновременно прыгнули со стены напрямиком в небо. И тут уже пошли неясности: зачем они связали косы, или вовсе не связывали, то ли сами прыгнули, то ли мачеха заставила, то ли их глотки были вскрыты, то ли нет, и так далее и так далее. Непонятно там все, муть да ересь, многие писари тогда это явление описали, и все по-разному. Но это всё не суть. А суть вот в чем: предполагается, что это было не просто сумасбродное деяние поехавшей королевы, а тяжелое проклятие, павшее плотной тенью на все королевство. Решили так потому, что через три дня после этого происшествия разыгралась очередная война, в ходе которой все государство было начисто стерто вместе с королем, королевой и их многочисленными подданными. В живых остались только королевские сыновья, звали которых Брест, Жиест и Стальн Араклионские, на них у судьбы были совершенно другие планы. Так и началась история Араклии и Брежисталя.

Не один год те братья скитались по плакучим землям, глядя на то, как их любимый мир сгорает в душевной агонии, уничтожая сам себя, сдувая черным ветром поселения. Никто теперь не верил королям, но деться было некуда и некуда сбегать. Все бытие превратилось в абсурд, это был мир унылых лиц и бесконечных неоправданных чаяний.

После долгих хождений братья осознали, что пристанища под стать им не найти, тогда ими было решено, что единственно верным будет такое пристанище создать. С этими мыслями они направились на юг. Судьба благоволила им во всем, вела их за руку сквозь горные хребты, леса и пустыри до того самого места, где теперь стоит наш Брежисталь. Уголок на краю мира, теплый, плодородный и, самое главное, ничейный. О чем еще можно было мечтать?

К тому моменту братья одиноки уже не были, мечта их поманила за собой толпы обездоленных, но все еще не сдавшихся, верящих в лучшее людей. О том, как именно горстка простофиль смогла возвести эти великие стены, история умалчивает, возможно, им помогли великаны, а возможно, боги, и если обычно я всему могу найти более разумное объяснение, то этот случай – исключение. Брежисталь – это не просто крепость, это великая тайна, которую нам вряд ли удастся раскрыть.

Ну а дальше, как всегда, война. Народ быстро прознал, что где-то там, вдали, растут стены свободы и принимают всех, кто желает за этими стенами скрыться. Тут уж немудрено, что побежали люди все с пылающих земель своих дырявых королевств, словно крысы с корабля тонущего. Конечно, королям все это не понравилось, решили они объединиться и крепость захватить. Тогда-то и началось: все разделилось надвое, простой народ и пара королевств встали на защиту своих грез о жизни в мире и спокойствии, вторая половина билась за власть над гаревом, которая теперь стала утекать из их рук вместе с уходящим в Брежисталь народом.

Повезло, что крепость уже набрала немало мощи, башни взлетели к небу, армии Брежисталя окрепли под командованием Стальна Араклионского, младшего из братьев. В общем, шуты те поздно спохватились, хотя, конечно, у них были все шансы на победу. Если бы битва на Янтарном море была проиграна, великой Араклии так и не появилось бы, да и нас бы не было – вообще никого и ничего не было бы. О чем ты там спрашивал? Почему моряцкая башня иначе зовется Песнь Алиадны? Вот мы к этому и подошли наконец.

Алиадна являлась самой первой вехармицей моряцкой башни, и она же являлась адмиральшей военного-морского флота Брежисталя во время ледяной битвы на Янтарном море. Поначалу дела шли неплохо, под успешным командованием Алиадны флот противников был разгромлен, на плаву оставалось всего три хромых вражеских судна, казалось, что пора бы ликовать, но радость эта быстро превратилась в печаль, когда на горизонте появился второй флот неприятелей, вдвое больше флота Брежисталя.

Все будто замерло и стихло, страх смерти вырвался из обреченных душ и парализовал все кругом. Все жидкости застыли, морские воды больше не текли и не плескались, кровь встала в венах и теперь была подобна твердой ртути, травящей ветхий организм. Тишина накрыла наш флот колпаком, ничто не издавало звука, лишь страшный звон стискивающего воздуха гудел у всех в ушах. Народ ждал приказа об отступлении, но не тут-то было. Алиадна прошла спокойным шагом на нос шествующего впереди флагмана, ее увереннодвигающееся тело вспарывало загуствовавший воздух, вытаскивая команду из странного оцепенения, позеленевшие от страха духи вновь стали приобретать человеческий вид.

Алиадна встала на носу корабля, уверенно вздернув подбородок, лицо ее было спокойным, неподвижным, казалось, даже умиротворенным, глаза смотрели вдаль, и даль от этого темнела. Она долго молчала, прежде чем ее губы стали издавать странные шепчущие звуки. Неведомые никому слова имели свою режущую по телу четкость, как древнее заклятие или тайное прошение. Книжки говорят, что она просила помощи у своих богов, но боги, как известно, кровожадны и цена их покровительству немалая, но даже эту цену Алиадна согласилась уплатить.

Стоячую воду окутал ледяной воздух, от этого она задышала клубами пара, низенько плывущего по ее темной лаковой глади. Флот тяжело, но грозно двинулся вперед, навстречу смерти, хранительница моряцкой башни протяжно запела, голос ее был мягким и тонким, песня была детской, потому напоминала колыбельную. Голос Алиадны казался голосом маленькой девочки, он лился сквозь пространство, словно холодная вода, будоражащая дух гулким эхом:

*«Тихо спи-и-и в ночи, моряк, вдали тонет твой злой враг.
Ты не бо-ойся, морячок, твой враг пойман на крючок.
Твое имя не умрет, в тишине оно живет...»*

Творилось что-то неладное, песня приносила дикий холод. От внезапно возникшей стужи моряцкие кости зачесались в ознобе, руки скрючило, а изо рта повалили клубы пара. Глаза молодой женщины стали темнеть, впитывая черноту морской дали, руки боролись в сопротивлении, поднимая что-то с самого дна, они тянули это на поверхность. Все мышцы напряглись, а вены вздулись. В этих тонких и напряженных руках виделась власть над тем, что человеку неподвластно, власть над самой стихией. Хранительница велела флоту остановиться, всего в трех метрах от флагмана вода стала белеть, превращаясь в толстый ледяной пласт, белое пятно разрасталось, вонзаясь в воду своими холодными иглистыми лапами. Все вокруг молчало, когда Алиадна взмахнула руками, сделав это одним сильным и точным движением. Страх охватил сердца моряков. Ледяное проклятие, повинувшись своей хозяйке, понеслось с невероятной скоростью в сторону противника, превращая воду в твердь. Вражеский флот сковало окочевением белого холода. Все было тихо, но в такие моменты кажется, будто звучит низкий аккорд, душераздирающая музыка смерти. Белый пласт вокруг противников стал возрастать холмами, которые, поднявшись достаточно высоко, превратились в ледяные руки, медлительные и могучие. Неповоротливая гигантская мощь рушила корабли, утягивая их за собой на самое дно, издали слышались крики ужаса, но вскоре они сменились тихим морским плеском. Все было кончено. Алиадна улыбнулась команде так же тепло и ласково, как матери улыбаются своим

детям. Это было прощание. Широко раскинув руки, как свободная птица, гордая и независимая, она ушла в морскую пучину, уплатив свой долг богам...

Конечно, Поли знал, что это простые небылицы. На самом деле Алиадна просто повела корабли в бой с песней и погибла в сражении, но это не мешало юнцу ей восхищаться: она могла бы сдаться, но не сдалась и, пожертвовав собственной жизнью, подарила плачущей земле долгожданный мир.

Сегодня день у парня совершенно не сложился, он все свободное время просидел в библиотеке, причем абсолютно безрезультатно, снова струсил подойти к Агате, да еще и пропустил обед вместе с ужином. К ночи живот стянуло голодом, Полтер ложился спать с мыслью о завтраке, но сон его не посетил, живот упрямо настаивал на том, что хочет есть. Кухарки всегда оставляли остатки еды на кухне, как раз на такой случай, но быть уверенным в том, что там все еще есть чем поживиться, не приходилось. Кухня почти каждую ночь была оккупирована двумя толстыми ряхами, принадлежащими Пунду и Заку, учившимся вместе с Поли. Парень на дух их не переносил: омерзительно жирные, вальяжные, самовлюбленные петухи. Становилось неприятно при одной только мысли об их женоподобных круглых лицах и сально-жирных губах, из которых в сторону Полтера протяжно выползали всяческие неприятные шутки, притом не прямолинейные, а тонкие и гадкие, как змеи; такие высказывания юнец ненавидел больше всего. В общем, встречаться с ними вовсе не хотелось, но голод был слишком силен и, прыгнув на чашу весов, перевесил всю личную неприязнь.

Через несколько минут Гейст уже был на кухне, неприятелей здесь не оказалось, что, собственно, было странно, но не могло не порадовать. Большая кастрюля, стоявшая на столе, все еще была теплой, так что Полтеру посчастливилось отлично поужинать свежим овощным рагу с мясом и ломтем ржаного хлеба.

Парнишка наелся до отвала и поковылял к себе. Он лениво шел по спальному коридору, минуя множество дверей, ведущих в комнаты магистров или учеников. Света от свечи было мало, темнота сжимала и лишала коридор цвета, делая всё блекло-серым, но это не помешало парню заметить, что двери в спальне магистра книжных дел слегка приоткрыты. Подобного Полтер Гейст раньше не видел, на ночь все опочивальни закрывались. Странное это чувство, когда человек еще не знает о том, что что-то произошло, но тело его уже почувствовало беду; так и юный Полтер не ведал, что ждет его за дверью, но всезнающая интуиция убедила его в том, что увиденное ему совершенно не понравится.

Стучать Поли не стал, он мягко взялся за ручку окостенелой, прохладной рукой и аккуратно приоткрыл дверь.

– Магистр Рейвс, с вами все в порядке? – тихонько произнес Поли.

На его вопрос ответил отнюдь не голос хранителя, ответом послужила леденящая кровь картина. Вязкое багровое болото растеклось по комнате липкой жижей, как будто увлекая бездыханное тело Рейвса в ворсины пропитанного кровью ковра. Глаза его были открыты, они безразлично смотрели куда-то вверх, рука без трех пальцев все еще держалась за разорванное горло, все вокруг было перевернуто и перепачкано. Недостающие пальцы магистра читальных дел лежали на столе, рядом с тупым ножом и зеленым яблоком, которое Рейвс, судя по всему, начал резать в момент, когда его настигла беда.

Поли остолбенел, он чувствовал страх, но не панический, как это чаще всего бывает, а тонкий и размеренный. Ученик с интересом и осторожностью осматривал комнату, книжные переплеты, испачканные красными брызгами, грязные кровавые следы, указывающие на то, что убийц было несколько, и, конечно, тело. Полтер пытался найти ответ на вопрос, который еще не успел сформироваться в его голове. Парень думал, как нужно поступить, к кому пойти, что сказать, но цепь формирующейся последовательности была разорвана жуткими криками, доносящимися снизу. Поли понял, что смерть пришла не за одним лишь Рейвсом, сегодняшняя ночь станет кровавой жатвой. И это неестественно зеленое яблоко, блестящее и светящееся

еся среди багровой грязи, его тонкий свежий аромат, просочившийся сквозь железный запах крови, теперь будут преследовать парня всю жизнь, являясь в ночных кошмарах или в мутных видениях, порочащих четкую явь.

Глава 3.

Мир людей. Охровый оазис. Молодой старец

Солнечный свет яростно бил в глаза и обжигал загорелую кожу. Надя терпеть не могла солнце, хотя за шестнадцать лет жизни в Охровом оазисе можно было привыкнуть к неудобствам, которые пустыня доставляла своим обитателям. Пробегая по улице в полдень, Наденька всеми силами пыталась защитить себя от безжалостного потока пылающих частиц желтоглазого пламени – постоянно шурила глаза и прикрывала лицо ладонью. Увы, все было тщетно. Солнце в оазисе повсюду, оно пропитывало все, к чему могло прикоснуться, окрашивая весь этот маленький мир в желто-коричневый цвет.

Надя не была исключением, внешность ее казалась весьма типичной для Охрового оазиса. Участки кожи, переливающиеся бронзой, переходили в темные рисунки, похожие на географическую карту или звездное небо, – такие узоры оставались после тяжело перенесенных солнечных ожогов. Тощее лицо цвело веснушками, губы почти не имели цвета, а светлые волосы казались иссохшей моховой мочалкой. Единственным живым пятном, сохранившим свой цвет, были глаза – большие, глубокие и ярко-зеленые, как сочная луговая трава.

Обычно юной девушке удавалось избежать полуденной жары: она выходила работать рано утром и возвращалась ближе к ночи, как раз в то время, когда улицы горячего города наконец начинали остывать. Но сегодня все сложилось иначе: Сохе Лемех, женщине, позволившей Наде обучать своего сына, срочно понадобились чернила, а это сулило необычайно увлекательное путешествие по городу.

Надя пробежала пол-оазиса и уже была почти у цели, как вдруг приостановилась на повороте, в этот момент полуденное солнце казалось ей сущей мелочью по сравнению с предстоящим десятиминутным путешествием по Крысиной улице. Человеческий разум вряд ли был способен понять, как настолько узкое уличное пространство может содержать в себе такое количество людей, но вся «прелесть» Крысиной улицы заключалась не в этом, а в том, что крыс здесь было вдвое больше, чем людей. Пройти по этой злосчастной коридорной преисподней было весьма непросто, мерзкие животные то и дело шныряли под ногами, иногда случалось вступить в расплюснутые, поджаренные на солнце крысиные останки, которые к тому же издавали чудовищную вонь. Прогулка больше походила на беспощадный бой, все толкались, наступали друг другу на ноги и выкрикивали кучу гадостей вслед. В общем, пройти на другой конец улицы и при этом сохранить хорошее расположение духа не представлялось возможным.

Надя бежала сквозь толпы людей непонятной масти, время от времени прикрывая нос и тем самым спасая себя от вызывающего рвотные позывы запаха мышиных трупов, протухших под палящим солнцем. Наконец, добравшись до Товарной улицы, девушка вздохнула с облегчением. Она отошла в сторонку, чтобы отдышаться, наклонилась вперед и уперлась руками в полусогнутые колени, ноздри ее судорожно подергивались, пытаясь вдохнуть как можно больше воздуха. После, когда приступ тошноты и одышки отступил, она принялась отряхивать одежду от пыли и частиц какой-то странной пищи. Надя недовольно бурчала что-то себе под нос, при этом сосредоточив свой разгневанный взгляд на остатках пищи, красующихся на ее недавно выстиранной одежде.

– Ну как? Как можно есть, когда вокруг такое?! Идиоты, просто умалишенные!

Вдруг Надя почувствовала, как кто-то положил ей руку на плечо. Девушка вздрогнула от неожиданности.

– Привет! Ты что тут делаешь? – радостно пролепетал голос сзади.

Надя обернулась. Перед ней стоял поджарый чернокожий юноша, расплывшийся в широкой улыбке. Выраженные скулы делали его лицо серьезным, но стоило Сэмуэлю улыбнуться,

как вся его мнимая серьезность улетучивалась куда-то в воздух, а поскольку Сэм почти всегда счастливо скалил свои тридцать два белоснежных зуба, обнаружить его естественное выражение лица было довольно сложно.

Надя и Сэм подружились очень и очень давно, будучи еще детьми. У них за плечами было много совместно пережитых моментов, как радостных, которые они, хохоча, вспоминали, сидя по вечерам на камнях, так и печальных – о них, как правило, принято было молчать. Но самое важное – то, что их нерушимая дружба с достоинством выдержала все испытания и натиски судьбы. Для Нади Сэм и его семья всегда были самыми близкими людьми – если бы не они, девушка вряд ли сумела бы выжить.

Когда-то у Нади была и своя собственная семья, совсем малюсенькая, состоящая из двух человек – Нади и ее отца, но большего и не требовалось, ведь они были счастливы. Однажды отца девочки не стало, единственный родной ей человек ушел, забрав с собой весь мир. Без него все казалось пустым и ненастоящим, словно в глубоком сне. Девочка даже решила, что для нее все кончено: голод, жажда и тоска резали не хуже ножа, бездна уже звала юную Наденьку, оставалось лишь следовать зову и, расслабив все мышцы, падать вниз, ожидая, что все скоро прекратится. Но Надя не упала, где-то в одиноком полете ее ухватили руки, вытащили на поверхность и дали возможность жить. Эти истерзанные, мозолистые, но добрые руки принадлежали чернокожему семейству строителей. Обнищавшие и голодающие, они беспрятственно приняли еще одного человека в свою семью.

– Сэм, это ты?! Напугал! Не подкрадывайся так больше! Ох, что за день-то такой. Сохе Лемех срочно понадобились чернила, она сказала принести их к закату.

Сэм пребывал в некоем недоумении, он чувствовал странный запах, но не мог понять, откуда он исходит. Надя, заметив, как Сэм принюхивается, тут же прознала, в чем дело, и виноватая застенчивость одарила ее лицо поцелуем.

– От меня, наверное, жутко воняет. Я так спешила, что решила срезать путь и пойти через Крысиную улицу, этот чудовищный запах дохлятины моментально въедается в одежду.

– Тогда все понятно, а я уже думал, где-то поблизости шныряет зловонный Эрти. – Сэм доброжелательно рассмеялся.

Зловонным Эрти называли одного из торгашей, который так и не сумел прославить свой товар, зато сам он прославился собственной вонью, разящей всех наповал.

– Не смешно, Сэм.

– Ладно, ладно... больше никаких шуток. А знаешь что, давай я сбегаю за твоими чернилами, я только оттуда, там огромная очередь. Барахольщик распродажу редких вещей устроил, всем не терпится что-нибудь урвать, долго там простоишь. Сходи лучше пообедай, я ведь тебя знаю, ты еще совсем ничего не ела.

– Спасибо большое, Сэм, ты настоящий друг, мне и вправду очень хочется есть.

Вид у девушки действительно был уставший, синяки под глазами, впалые щеки. Она ничего не ела не только сегодня, но и вчера, хотя этим в оазисе вряд ли можно было кого-то удивить – к голоду охровый народ давно привык.

– Вот и отлично, тогда встретимся возле лавки барахольщика.

Сэм взял у Нади пару монет и направился в сторону барахолки.

Надя свернула в переулочек и вскоре приблизилась к лавке Гринди Лемеха – старшего сына семьи Лемехов. Возле лавки стояли солнечные часы, сделанные из дерева. Круглая резная доска казалась совершенно воздушной из-за множества тончайших узоров, походивших на клубы дыма. Надя считала их необыкновенно красивыми и каждый раз, проходя мимо этой лавки, обязательно подходила к ним поближе, чтобы еще разок полюбоваться, но сегодня времени на это не было, да и живот уже вовсю урчал от голода.

Подходя к лавке все ближе, Надя почувствовала, как в горячем воздухе распространяется аромат еды.

– Пряности... Кажется, зира с куркумой. Гранди готовит рис... Да, это точно рис.

Она обошла большой каменный столб с прибитой к нему табличкой, на которой изображались аппетитные яства, снизу большими красными буквами было написано: «Вкусная лавка Гранди Лемеха». Надпись выглядела нелепо, так как никто в городе не умел читать, но Гранди, самолюбивый и напыщенный, не мог не обратить внимание окружающих на свою образованность. Читать и писать Гранди научила Надя, она обучила грамоте его отца, потом выучила самого Гранди, а теперь давала уроки учила и младшему Лемеху.

Девушка вошла внутрь.

– Гранди, у тебя потрясающе вкусно пахнет, противостоять ароматам, доносящимся из твоей лавки, просто невозможно! Что ты там готовишь?

Ганди, крупный и загорелый, с густой бородой и усами, завивающимися у концов, выглядел на десять лет старше своего возраста и производил впечатление грубого и сурового человека. Хотя эти качества совершенно не были ему присущи.

– Наденька, это ты?! Идем скорее сюда, я покажу, – счастливо заверещал добрый басыстый голос.

Лавка представляла собой небольшое пространство, ограниченное четырьмя стенами из камней цвета охры, потолок отсутствовал, но его с успехом заменили огромные светлые полотна, балансирующие то вверх, то вниз, будто плывущие на волнах пустынного ветра. Гранди стоял у огня, угли подогревали большую железную посуду. Казалось, будто Гранди чего-то опасается, он с подозрительно серьезным видом все время приподнимал крышку и заглядывал внутрь.

– Что у тебя там, Гранди? – спросила Надя, приближаясь.

Девочка услышала странный звук, доносящийся из горячей посуды. Повар приоткрыл крышку, и из пахучей кипящей воды полезли змеи, открывая свои страшные пасти как можно шире. Гранди тем временем засыпал им в глотки рис с травами, который змеи нехотя проглатывали.

– Гадкие твари, – сказала Надя, перекосившись.

– Согласен, они чуть не задушили маленькое дитя, но я их вовремя остановил. Змеи сами по себе существа отвратительные, но на вкус весьма недурные! Так... – Гранди сосредоточился. – Возьми еще специй, вон там. – Он кивнул головой в сторону стола, стоящего позади них.

Через десять минут блюдо было готово. В лавку набежало много голодных работяг, всем нравилась еда, которую тут подавали, к тому же нигде больше нельзя было поесть за такую низкую цену. Еда Гранди стоила дешевле, чем на рынке, была разнообразней и приятнее на вкус. Хотя не сказать что народ в оазисе был особенно придирчив к пище. Постоянными блюдами в рационе здешних жителей являлись жареные крысы, песчанки, некоторые насекомые и змеи – эту еду можно было найти под ногами и ничего за нее не платить. Деньги требовали жесточайшей экономии, в основном их тратили на воду и некоторые крупы, самые предусмотрительные оставляли немало денег на лекарственные травы и помощь знахарки.

Полноценно в оазисе могли жить только семьи, имевшие собственное хозяйство и акры плодородной земли, которой в оазисе было чрезвычайно мало. Именно эти семьи пользовались неограниченной властью в Охровом оазисе, входили в состав городского совета и называли себя охровыми хранителями. Ни у кого уже много лет не возникало желания каким-либо образом вмешиваться в их правление, ведь считалось, что все четыре семьи, входящие в совет оазиса, были избраны самим богом Акросом.

Вся религия Охрового оазиса строилась на почитании зеленого бога Акроса и его преемников. По легенде, Акрос идущий по белым пескам безмолвной пустыни, увидел огромный караван путников, умирающих от жажды и голода, их могло спасти только чудо, и чудо, как ни странно, произошло. Акрос перевоплотился в седовласого старика и, блуждая среди сидящих

на песке изнеможенных путников, стал громко молить о помощи. Он подходил к каждому, выпрашивал глоток воды, чего-нибудь съестного или кусок ткани, чтобы перевязать истерзанные походом ноги.

Откликнулись на мольбы старца лишь четверо: девушка по имени Мира угостила старика тыквенными семечками, Альгер, взрослый мужчина, отец троих сыновей, предложил старцу теплую постель, Каридос поделился с зеленым богом своей водой, а Майякана, девчонка лет четырнадцати, перевязала пожилому человеку больные ноги. Ночью старик исчез, но не бесследно: людям, протянувшим ему руку помощи, он оставил дары, смысла в которых умирающие найти не могли. Мира получила лемех для возделывания земли, Альгеру достался посох пастуха, Каридосу – ковш для зачерпывания воды и лунный камушек, светящийся бело-голубым светом, а маленькая Майякана получила в подарок мешок семян и большую корзину, с горкой наполненную сочными, мясистыми и ярко-красными стеблями ревеня, – единственный полезный подарок.

Стебли помогли каравану продержаться следующие три дня пути. На ночлег умирающие, как всегда, остановились на песчаной пустоши. Когда все наконец уснули, Акрос вновь вернулся в караван и одарил мертвую землю своим поцелуем. Проснувшись, люди увидели под собой настоящую черную почву, пестрящую маленькими зелеными ростками, легкий прохладный ветерок заставил путников обернуться и обнаружить то, о чем все они так давно мечтали, – голубое, как небо, озеро. С тех пор люди, получившие дары зеленого бога, стали править миром, возникшим среди пустыни, в связи с этим у них даже появились вторые имена, созвучные с божественными дарами: Мира Лемех, Альгер Псох, Каридос Каменолунный и Майякана Ревальди. С тех пор озером, плодородными землями и скотом могли распоряжаться лишь потомки тех самых путников, гордо носящие второе имя своего предка.

Пятьдесят лет назад случился бунт, рабочие хотели забрать озеро, скот и плодородные земли себе и распоряжаться ими самостоятельно, в результате был убит один из охровых хранителей. Это было трагедией для всего оазиса, Акрос наказал не только тех, кто был виновен в смерти своего преемника, но и всех остальных жителей оазиса – как причастных, так и непричастных. Земля вспыхнула яростным пламенем, расплзающимся и уничтожающим все вокруг: урожай, земли, животных и людей. Город горел до тех пор, пока бунт не был подавлен, половине его зачинщиков удалось сбежать, но пустыня догнала каждого из них и погубила. Более менять устоявшиеся в оазисе законы ни у кого не возникало ни малейшего желания.

Уплетая змеиное мясо с рисом, Надя слушала рассказы Гранди, он преподносил даже самые обыденные истории очень увлекательно. Ему нравилось наблюдать, как глаза собеседника горят неподдельным любопытством.

– Об этом способе приготовления змеиного мяса я узнал от старика с Товарной улицы. Может, ты и видела этого человека – седой такой, тощий, еще и хромает на одну ногу... Хотя знаешь что, я не уверен, что он старый, лицо его показалось мне молодым – ни одной морщинки, понимаешь, но эта борода... У молодых я такой белой бороды никогда раньше не видал, и борода у него какая-то странная, хотя, наверное, борода-то как раз обычная, просто она украшена вплетенными в волосы красными нитями – оттого-то и кажется странной. А еще мне показалось, что на коже у него рисунки. Да-да, самые настоящие, и не только рисунки, но и письмена. Мне никогда раньше его встречать не приходилось, но лиц в городе много, всех не запомнишь. Я услышал, как он рассказывал о травах и специях Крысиному Королю. Ты ведь знаешь Крысинаго Короля? Его кажется все знают. Вид у него суровый, такое лицо раз увидишь – навсегда запомнишь.

Надя молча ела и слушала, поэтому Лемех решил, что она все же не поняла, о ком идет речь, и решил объяснить подробнее:

– Кабу, прозванный Крысиным Королем, – это торговец с Товарной улицы, у него своя жаровня, торгует жареными крысами и хмельной кактусовой водой. Должен заметить, он знает

свое дело, мясо у него выходит потрясающее. Если не знать, что это крыса, можно с легкостью принять его мясо за курятину. Ты, наверное, не пробовала кур. В нашем хозяйстве еще осталось несколько, правда, их пока не трогают, но как только отец решит приговорить одну из них, я обязательно стяну кусочек мяса и приготовлю его тебе.

– Спасибо, Гранди, ты очень заботливый, но мне и приготовленные тобой змеи очень даже нравятся. Хотя, конечно, отказываться от чего-то необычного глупо, поэтому, если это и вправду удастся, я буду счастлива, а потом еще смогу пару лет ходить по оазису и хвастать всем, что пробовала курятину. Сэм все локти от зависти искушает. – Надя рассмеялась.

– О-о-о, это точно! Когда я впервые попробовал курятину, я и сам себе позавидовал – такая она вкусная, – в ответ рассмеялся Гранди, а потом продолжил свой рассказ: – В общем, готовит этот Король просто восхитительно. Я выпрашивал у него рецепт, предлагал большие деньги, но он мне отказал, сказал, что не продаст дело всей жизни.

На самом деле Надя сразу поняла, о ком идет речь, одно упоминание об этом человеке проводило Надежду в полубоморочное состояние. Она видела Крысиного Короля каждый день, проходя мимо его жаровни. Конечно же, мыслей купить у него еды у девушки не возникало никогда – все, о чем она могла думать, находясь рядом с ним, это как бы скорее убраться подальше. Крысиный Король действительно обладал незаурядной и даже отчасти пугающей внешностью. Высокий, здоровый, широкоплечий и весь изуродованный шрамами человек, одетый в черные лохмотья и широкий грязный фартук. В руках он всегда держал большущий окровавленный нож с блестящим лезвием. Разделявая мясо, он все время размахивал им то вверх, то вниз. Ко всему прочему этот скверный, уродливый человек не сводил с Нади взгляда, сверлил ее своими маленькими черными глазами, будто пытаясь проделать в ней сквозную дырку.

– Так вот, – продолжал свой рассказ Гранди, – я ввязался в разговор, который они вели между собой, беседы о еде и ее приготовлении всегда меня завлекают. В общем-то, не зря я в тот разговор ввязался, совсем не зря. Человек с бородой рассказал мне целую кучу способов приготовления различной еды, поведал о свойствах отдельных трав, специй и правилах их сочетания. Я представить себе не могу, откуда этот дед столько знает. Видимо, он застал времена изобилия, еще до бунта, тогда ведь всего было навалом, изобретать новые блюда не составляло никакого труда – разнообразная, никогда не кончающаяся еда! Эх, были ведь времена, народ и знать не знал, что такое голод. Честно говоря, после разговора с этим человеком я не на шутку испугался, подумал, что вдруг этот чахлый дед... или же бородатый юноша, черт его знает, кто он такой, солнце, что ли, так падало. Так вот, вдруг этот человек решит открыть свою жаровню – с такими знаниями он легко мог бы затмить мою вкусную лавку, – но потом я решил, что если бы у него были такие намерения, он ничего бы мне не рассказывал. Я это все к тому, что теперь в моей лавке появится еще больше разнообразных блюд!

Надя улыбнулась.

– Это великолепные новости, Гранди. Надеюсь, что попробую их все! Спасибо за вкуснейший обед, я бы болтала тут с тобой до самого утра, но мне пора бежать – твоей матери нужны чернила, и она не обрадуется, если я не принесу их к назначенному времени.

– Это да-а-а, матушка всегда всем недовольна. Ну что ж, советую поторопиться. – Гранди весело подмигнул девушке на прощание.

День наконец-то закончился, и теперь Надя могла вздохнуть с облегчением. Ей хотелось поскорее уснуть, но не тут-то было: уставший разум внезапно атаковала мысль о старике, которого Гранди встретил на Товарной улице. Она всю ночь перебирала в голове имена и лица: «Может быть, это Лакрис? Он тоже седой, но борода у него совсем маленькая, косички из нее точно не получится. Хотя, возможно, он отрастил бороду... Нет, этого быть не может, борода так быстро не растет, я ведь видела его совсем недавно. Или Васил? Он вроде как похож, но отнюдь не хромой, да и вряд ли он что-то смыслит в еде. Горальд – полный, а у Букла вообще

нет волос». Она перебрала около сотни стариков, но так и не поняла, о ком шла речь, в любом случае у всех знакомых ей пожилых людей был один явный признак, отличающий их от того человека, которого встретил Гранди. Все Надины старики были стары как мир, и на лице у них глубокими складками пролегла карта прожитой жизни, никаких намеков на молодость на этих лицах не было и близко. А уж письменности и рисунков на коже так и подавно. Все это казалось Надежде подозрительным, ведь она хорошо знала всех старцев в городе.

До того как Надежда стала учить грамоте богатых людей, она работала в разносной бригаде, каждый день Надя вместе с другими детьми разносила пожилым людям оазиса воду. Дети не получали за это никакого существенного вознаграждения, но, согласно легенде, для того чтобы получить благословление зеленого бога необходимо было почтительно относиться к старикам. Это касалось не только юных жителей оазиса – все рабочее, знахари, торговцы и даже хранители жертвовали скромную сумму денег в день зеленого благословления, эти ресурсы шли на обеспечение пожилых людей необходимым. Но увы, это касалось только работоспособных стариков, немощным в оазисе места не было.

Надя на протяжении долгого времени носила воду и продукты в дома старцев, поэтому знала каждого из них. Ей нравилось бывать у них в гостях, частенько получалось угоститься чем-нибудь съестным. Старики были довольны не только тем, что принесли им дети, они радовались компании. Одиночество убивает человека еще быстрее голода, Надя поняла это после смерти отца. Почти все эти пожилые люди, посадив юную Наденьку за стол, расспрашивали о том, как идут ее дела, кормили, рассказывали истории, которые девушка знала уже наизусть, но все равно слушала с упоением. Ей нравилась эта работа, казалось, что она вновь обрела семью. И не могло случиться так, что одинокий хромой старик с тонкой косичкой в седой бороде ни разу бы ей не встретился.

Глава 4.

Мир людей. Брежистальская крепость. Знакомство с родителями

Башню Трех Полнолуний наполнили крики отчаяния. Поли не мог двигаться, он по-прежнему стоял там, наверху, в опочивальне магистра читальных дел, и неотрывно глядел на проклятое зеленое яблоко, заляпанное брызгами крови. Рейвс (имя магистра читальных дел) более не мог помочь ему, он более никому не мог оказать помощь или поддержку, у него и при жизни-то это не особенно выходило, а теперь и вовсе. Но Поли так не думал, он уверял себя в том, что после смерти Рейвс перестал быть бесполезным, и мало того, не просто бесполезным, а еще и вечно вставляющим всем палки в колеса. От мертвого Рейвса должна была быть некая польза, он хотел дать Поли какую-то подсказку, Гейст ясно читал это в выражении его бледного лица. Поли на долю секунду подумал о том, что ему необходимо было что-то сделать, но с первыми донесшимися до его ушей криками мысль вылетела из его головы.

– Что ты хочешь мне сказать? Что ты хочешь сказать? – повторял Поли себе под нос.

Ответа он никак не ждал, но мертвец, на удивление, оказался разговорчив и ответил:

– Хочу сказать тебе, что в это мгновение я меньше всего ожидал увидеть тебя. Какого черта ты вообще забыл в моей опочивальне, щенок?

Поли, конвульсивно перебирающий бумажки, раскиданные на полу, вдруг подпрыгнул и от страха попятился назад, к стенке. Он четко узнал голос магистра Рейвса, но магистр Рейвс по-прежнему был мертв.

– Ладно, все понятно, я сошел с ума... – вслух сказал юноша и, не сводя глаз с мертвеца, вновь стал разбирать бумаги.

– Ты к уму никогда близко и не подходил, чтобы теперь с него сойти, – вновь сказал магистр Рейвс. – Что тебе от меня надо? Чего хочешь? Давай, говори уже, и я пошел.

– Куда пошел? – в растерянности произнес Поли, лицо его было тупым и каменным, глаза широко раскрылись и бестолково хлопали, как у старой совы.

Как правило, в такие моменты на ум приходит лишь всякая околесица, никак не относящаяся к делу, – как говорится, лишь бы что-то сказать. Еще бы, в момент осознания того, что ведешь диалог с мертвецом, здравой мысли взяться неоткуда.

– Дурья ты башка! Куда-куда? Туда! Куда еще мне теперь с такой дырой на шее! Ключ возьми, олух, и беги, коли судьбинушка тебе жизнь даровала. Они заперли все двери, входы и выходы заблокированы, ключом больше не открыть, но выход из башни все-таки есть. Подвал в библиотеке, за стойкой магистра, отпирешь ключом и попадешь в тоннель, он выведет тебя в город.

Поли принялся ощупывать труп, дальнейших распоряжений от магистра читальных дел благо не поступало. В карманах мантии он ничего не нашел, на шее тоже, в отчаянии он стал снимать с него все вещи и панически их вытряхивать, но ничего. Рейвс теперь лежал в одном белье, а ключа так и не было. Тогда Поли кинул кровожадный взгляд на ботинки, стащил с Рейвса один ботинок, постучал по каблуку, перевернул вверх ногами, затем залез внутрь рукой – ничего. Затем он взялся за второй, стал трясти его, и вот оно: в каблуке что-то глухо застучало. Поли схватил со стола нож, отковырял набойку – и да, в каблуке правого ботинка Рейвса было то самое – ключ.

– Чертов Рейвс, даже будучи мертвым, сумел надо мной поиздеваться. Мог же сразу сказать, где спрятал, но не-е-ет же.

Он уже собрался выходить, как вдруг опомнился. Что, черт возьми, он будет делать в городе без денег – при себе у него не было ни единой монетки. Поли никогда не брал чужого,

но сейчас на то была крайняя необходимость. Он уже обыскивал комнату, потому знал, что деньги магистр Рейвс, вероятно, прятал под половицей. Так все и было: под половицей в комнате магистра скрывался целый клад, и это были не деньги, нет, это были золотые слитки. Что-то подсказывало юному Гейсту, что эти слитки Рейвс получил отнюдь не за хороший поступок, потому Поли, не покривив душой, взял их все. Помимо того, Поли взял с собой нож. Он не знал, зачем он это сделал, драться он, конечно, умел, его этому обучали, он не был худшим, но и выдающимися способностями в этих делах он не отличался. Вряд ли он мог бы противостоять хотя бы одному из тех, кто захватил замок, но это было неважно, с ножом он ощущал себя более защищенным.

Он тихонько вышел из комнаты, в башне Трех Полнолуний все ходило ходуном, слышались всхлипы и стоны, а помимо них, голоса захватчиков. Юноша сразу решил, что эти люди пришли за книгами, которые они с Гордофом полгода назад забрали из тайника в библиотеке, это тревожило его. Он не понимал, зачем они собрали всех внизу. «Чего они хотят?» – думал Поли. Еще он думал о том, где сейчас находится Миронов. Парень надеялся всей душой, что они не знали о том, что вехарм Трех Полнолуний ночует теперь в другой башне, в башне Пьяной Розы, но позже юнец решил, что глупо так думать. Их выпустили в башню, нападение было хорошо продуманным и спланированным, все случилось тихо, а в крепость по-тихому не пробраться, только если дверь не открыли изнутри. Но какую дверь, как, где? Часовые ведь повсюду.

Поли спешил, он знал, как выбраться наружу и остаться незамеченным. Все это нужно было проделать как можно быстрее, он мог успеть добраться до башни Железных Ливней и оповестить их вехарма о происходящем. Поли шел по коридору с комнатами магистров и учеников, он часто оборачивался и вглядывался в кромешную темноту, ожидая, что вот-вот из нее выпрыгнет нечто и разорвет ему горло, как Рейвсу, но пока никто не нападал.

Поли решил заглянуть в собственную опочивальню. В ней все было перевернуто вверх дном, в соседней же спальне все вещи стояли на своих местах, за исключением одеяла, стащенного с кровати на пол. По-видимому, учеников вытащили прямо из их кроватей и спустили вниз.

Тот факт, что комнаты обыскили выборочно, не нравился Поли, он понимал, что враг очень хорошо осведомлен, более того, этим людям, вероятно, было известно, что Гордофьян Миронов довольно близко общается с Полтером Гейстом, иначе зачем им комната простого ученика. А об этом факте знали единицы. Миронов часто заглядывал к Гейсту поздно вечером, они пили чай и много разговаривали, Гордофьян объяснял Поли все, чего тот не понял на занятиях; также Гордоф спрашивал Поли о том, с кем он дружит, кто его задирает и даже о том, нравится ли ему кто-нибудь из девушек. Но об этом знали только Марьяна, служанка Гордофа, недавно по ошибке спалившая его опочивальню дотла, и пара магистров из башни Трех Полнолуний, случайно заставшие верховного армариуса выходящим из комнаты Гейста поздним вечером; да и как знали – они могли только догадываться о чем-либо, хотя, по логике вещей, догадываться они вряд ли могли, так как за долгие годы его обучения это было замечено всего-то пару раз, в один из которых Гордоф сказал магистру, что заходил, чтобы отдать мальчику обещанную книгу, а второй – что пришел поговорить с ним о его поведении. В тот раз Поли как раз ввязался в драку с тремя толстосумами, учившимися вместе с ним, его, конечно, хорошенечко отделали, но это было и хорошо – хорошо, что не он кого-то, а то бы выставили из башни, как собачонку, и глазом бы не моргнули: на фоне этих знатных отпрысков он был пустым местом, за него некому было заступиться.

Полтер Гейст наконец миновал коридор и теперь стал спускаться по широкой винтовой лестнице, шаги гулко отдавались в пустом коридоре, несмотря на то что он шел исключительно на носках – сейчас ему казалось, что наступить на каблук ботинка равносильно самоубийству. Когда он вступил во что-то липкое; юноша этого не почувствовал, а лишь услышал странный

«чавк» из-под собственного ботинка. Он вздрогнул и тут же замер, сердце кольнуло, словно кинжалом. Юноша посмотрел вниз и увидел тело. Человек лежал на животе, потому понять, кто это был, Поли не смог. Было ясно только одно: этот человек точно мертв, уж очень много крови он потерял, после такого не выживают. Поли перевел дух, глубоко вдохнул, постоял секунду, собираясь с мыслями, и двинулся дальше. Он уже почти спустился, когда вдруг услышал довольно отчетливые голоса, – кто-то собирался подниматься вверх по лестнице. «О черт, черт, что же делать? Куда теперь бежать, где спрятаться?» Его голова за пару секунд перебрала все возможные планы отступления, но ни одного не утвердила.

– Подожди, я что-то не понял. Меркурия велела привести мальчика живым, она обещала убить любого, кто коснется его. И только что Дуриан при всех сказал нам отыскать парня и привести живым и невредимым. А ты говоришь мне, что мы должны найти и убить его.

– Да, именно так я и говорю. Дуриан сказал мне об этом накануне, мальчик представляет угрозу и должен быть уничтожен. Но Меркурия этого не позволит, это вроде как ее мальчишка, ее и Гордофа. Мы не можем потерять Меркурию, она ценный союзник. Понимаешь, нельзя, чтобы у кого-то из нас оставались слабости, кто-то может этим воспользоваться. Мы должны избавить Меркурию от ее слабости. Казни за этим не последует, Дуриан за это поручился, а вот если не убьем пацана, тогда нам конец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.